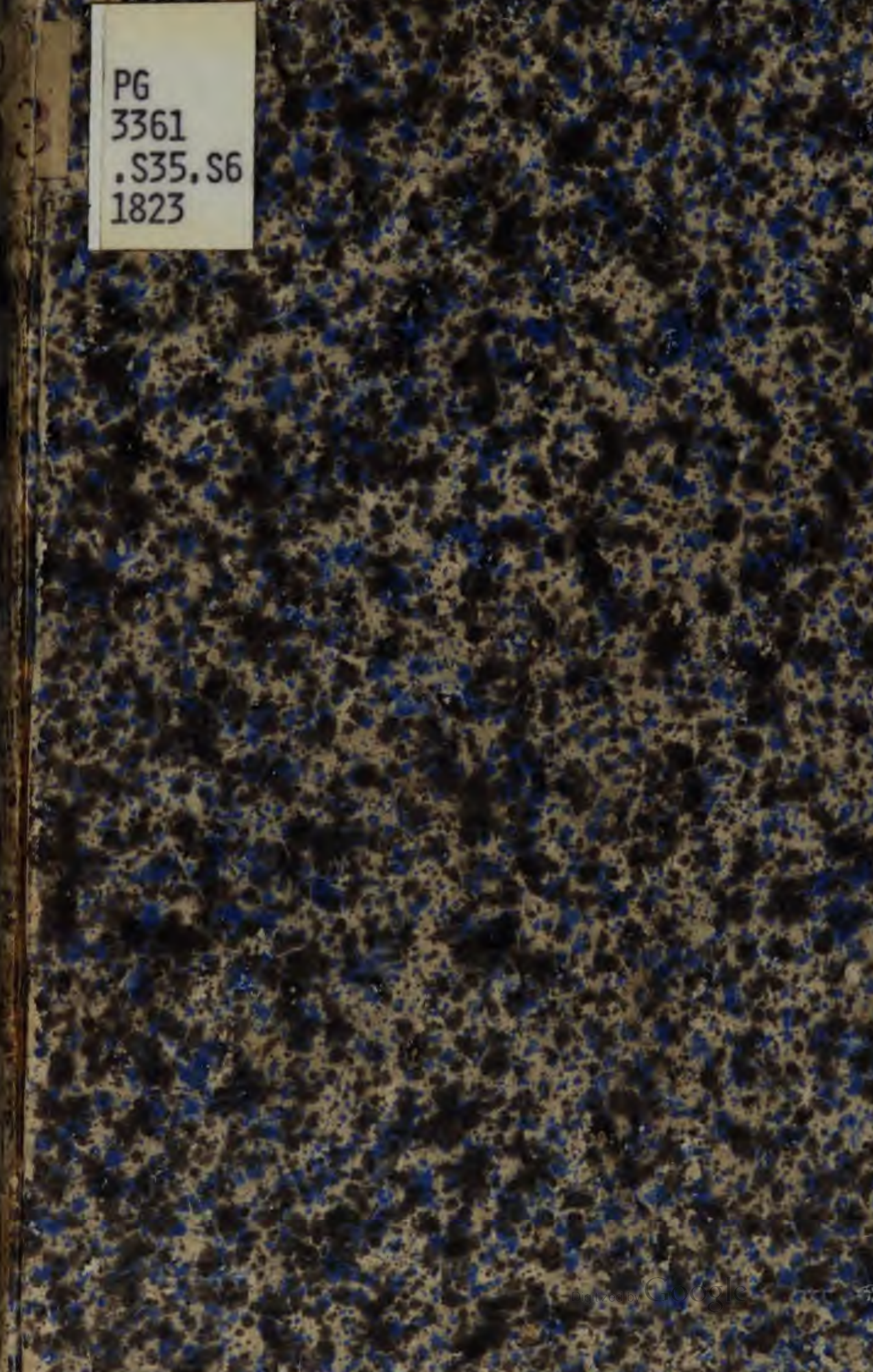

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОКОЛЪ

КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ТВЕРСКАГО,

РУСКАЯ БЫЛЬ.

Shakhovskaï, A. A.

СОКОЛЪ

КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ТВЕРСКАГО

ИЛИ

СУЖЕНЫЙ НА БѢЛОМЪ КОНѢ;

РУСКАЯ БЫЛЬ

въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ пѣснями, хорами, воинскими потѣхами, шанцами, играми, борьбой и большимъ спектаклемъ, музыка соч. г. Кавоса;

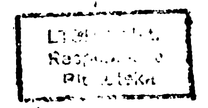
соч. Князя А. А. Шаховскаго.

Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, на Большомъ Театрѣ, въ пользу Актрисы Г-жи Ежовой 6., Октября 18 дня, 1823 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Императорскихъ Театровъ,

1823 года.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Особенную Канцелярію Министерства Внутреннихъ дѣлъ сей піесы узаконенное число экземпляровъ, для препровожденія оныхъ по силѣ узаконенія куда слѣдуетъ. С. Петербургъ, 27 Сентября, 1823 года.

Секретарь Коллеж: Ас. и Кав.
Василій Соцъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ярославъ Ярославовичь, Великій Князь Тверской Г. Каратыгинъ 6.

Вассіанъ, сынъ Ратибора, Новогородскаго Тысяцкаго, любимый отрокъ Великаго Князя - - Г. Воиновъ.

Странникъ - - - Г. Брянской.

Амрагамъ, большой Баксакъ или Посолъ Великаго Хана Магну-Тимура - - Г. Каменогорской.

Чевгу)Татарскіе Мурзы, Г. Хотяинцовъ.

Банши)богатыри - - Г. Щениковъ.

Магнусъ Роденштейнъ, племянникъ Великаго Магистра Нѣмецкаго Ордена Г. Максинъ.

Повша, Посадникъ Новогородскій - - - Г. Калининъ.

Бояринъ Тверской - - Г. Радинъ.

Татаринъ - - - Г. Гомбуровъ.

Чешко, сокольничій Великаго Князя - - - Г. Рамазановъ.

Порфиріи Ратша, староста Отроковскаго помѣстья Г. Борецкой.

Ксенія, почитаемая его до-
черью - - - - *Г-жа Дюрова.*
Эвпраксія, жена Порфирія *Г-жа Ежова б.*
Наташа, дочь ея - - *Г-жа Рыкалова.*
Крестьянская дѣвушка - *Г- Лебедева м.*
Крестьянинъ - - - *Г. Чайгиковъ.*

Татары, Бояре Тверскіе, Нѣмецкіе Рыцари, Рускіе Витязи, Богатыри Татарскіе, Татарки стрѣляющія изъ лука, Борьцы, Тверичане, Крестьяне и Крестьянки.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театрѣ представляетѣ берегѣ Волги, между домомѣ старосты и погостомѣ; переходы изѣ дома видны сѣ правой стороны. На лѣвой сторонѣ лѣсѣ: на Театрѣ скирдѣ сѣна, которой докладываютѣ работники.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАТАША, *сидитѣ впереди на скамьѣ и мѣтитѣ ширинки;* КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ *убираютѣ вѣ скирдѣ сѣно.*

Хоръ Крестьянъ.

Не вздымайся Волга матушка,
Не шумите вѣтры буйные;
Погоди ты осень темная;
Дай работушки окончить намъ.

*

Какъ придетъ зима съ морозами,
Какъ настанутъ вьюги снѣжныя,
Чтобъ могли мы безкручинные
Прокормить себя и малыхъ чадъ.

НАТАША.

Спасибо добрые люди за вашу пѣсенку и за помочь вашему старостѣ, отцу моему;

вы ужъ устали и пѣть и работать, такъ я вамъ спою новую пѣсенку про нашего Великаго Князя Ярослава Ярославовича, ее сложили у насъ въ Твери и Чешко, Сокольничій Княжой, меня вчера ей обучилъ.

КРЕСТЬЯНЕ.

Спой, красная дѣвица, а мы послушаемъ; какъ-то подъ пѣсню и работа скорѣй идетъ.

НАТАША.

Ну такъ слушайтежъ.

Пѣсня.

Отъ чего ты разсіялося,
Солнце красное въ золотыхъ лучахъ?
Отъ чего ты разыгралася,
Радость свѣтлая въ ретивыхъ сердцахъ?
Ахъ, какой же намъ больше радости!
Съ славной вѣстью прибѣжалъ гонецъ,
Что Тверской Соколъ въ юной младости,
Старыхъ коршуновъ истребилъ въ конецъ.

ХОРЪ *повторяетъ послѣдніе два стиха.*

(Во время пѣсни крестьяне мало по малу, оставляя работу, подходятъ къ Наташѣ, и оперши сь на свои грабли, составляютъ во кругъ нее группу).

За Ижорою нашъ Великій Князь
Со Тверичане на зарѣ чуть свѣтъ,
Удалымъ конемъ въ кровяную грязь
Притопталъ враговъ что и щета нѣтъ;

Сила Чудская, рать не смѣтная,
Надъ Пеголою вся костьми легла.
Честь Тверичанамъ многолѣтная,
Князюжъ храброму безъ конца хвала.

Хоръ *повторяетъ также.*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Евпраксія.

Евпраксія.

Что это, люди добрые! такъ-то вы работаете! а того и гляди, что дождикъ награнетъ, и помѣщичье сѣно пропало.

Дѣвушка.

Да вотъ Евпраксія Бабровна, твоя золотоперая пташечка, твоя пѣвунья-малиновка, такъ радостно пѣла про нашего батюшку Великаго Князя, что мы заслушались.

Евпраксія.

Ахъ ужъ эта мнѣ малиновка! все поетъ, а не только сама не работаетъ, да и другимъ мѣшаетъ.

Наташа.

Не правду матушка сказала. Я вышивала полотенцо для невѣсты нашей Ксеніи.

Евпраксія.

Ну это хорошо; да полотенцо-то не очень узорно; вѣдь наша Ксеньюшка, хоть и старостина дочь, а выходитъ за боярскаго

сынка, за нашего помѣщика Вассіана Ратиборыча, любимаго отрока Великаго Князя; однакожъ дѣвушки красныя и вы добрые люди, объ этомъ пока ни гугу.... Мы еще ожидаемъ Княжескаго указа, — слышите ли?....

Дѣвушки.

Слышимъ, слышимъ.

Евпраксія.

А когда слышите, такъ молчите, да и за работу скорѣй.... да о чемъ это она вамъ пѣла.

Дѣвушка.

О побѣдѣ нашего Великаго Князя надъ невѣрнымм.

Евпраксія.

Эхъ! не то, провославные; не надъ невѣрными; невѣрные-то злые Татары; а эти, кого Князв изволилъ самъ разбить, не Тащары, а самохвалы Нѣмцы и какъ бишь ихъ зовутъ.... Да, Божье дворяне.... а знаете ли вы, какъ это дѣло происходило? Какъ наши ратовали за правду и святую Русь и отстояли Великій Новгородъ.

Дѣвушка.

Мы слышали, что нашъ красно солнышко разбилъ не смѣтную силу и положилъ злодѣевъ, что и глазомъ не окинуть; вотъ и все.

Евпраксія.

Анъ не все.... мнѣ всю подноготную разсказалъ нашъ ясной соколъ, Вассіанъ Рапиборовичъ; онъ тамъ былъ, ни на шагъ отъ Князя не отступалъ, и за него нашего отца Богъ привелъ ему быть ранену въ лѣвую руку по выше локотка, тутъ;... да за то и онъ ссадилъ Нѣмецкаго Бискупа съ коня, такъ что тотъ никогда не встанетъ.... Слушайте, вотъ какъ дѣло было, я ни словечка не пророню; а ты, Наташинька, если я въ чемъ собьюсь и призабуду, напомни мнѣ, у тебя память холодная, въ часъ хоть какую длинную пѣсню вытвердишь.

Наташа.

Хорошо, матушка.

Евпраксія.

Хорошо, такъ хорошо.... Слушайте; наши съ Великимъ Княземъ подошли къ той рѣкѣ.... ахъ! какъ бишь она....

Наташа.

Кеголи.

Евпраксія.

Да, Кеголи.... вотъ тамъ въ Чуди что ли?.... близко того города.... Ракова.... нѣтъ, эхъ, Нѣмецкія-то имена меня загубили....

Наташа.

Раковора.

Евпраксія.

Такъ точно; какъ ты это все помнишь?

Наташа.

Да мнѣ Сокольничій Чешко натвердилъ.

Евпраксія.

Охъ! ужъ этотъ мнѣ Сокольничій, онъ тебѣ многое кой что натвердилъ.... Ну да какъ быть, не о томъ теперь дѣло. Слушайте; вотъ какъ наши подошли къ рѣкѣ, а Нѣмцы какъ туча и поднялись на той сторонѣ: нашъ Князь задумалъ такую думу крѣпкую, что ждать, то хуже, а съ помощію Божіею, какъ грудью ударимъ, то ошаломимъ Нѣмецкія головы, анъ оно такъ и вышло: наши черезъ рѣку, да и на ударъ, — Божіе дворяне, чтобъ отстаивать и началось.... Какой-то Нѣмецкой желѣзный полкъ и самъ мастеръ ихъ, чуть было нашихъ не загнали въ рѣку, да не тутъ то было; Великій Князь а съ нимъ Вассіанъ Ратиборовичь, врубились въ желѣзныхъ и такая была сѣча, какой говорятъ ни отцы, ни дѣды наши не видывали: нашего посадника Новгородскаго Михайла убили; а Тысяцкій Конратъ, котораго Великій Князь поставилъ вмѣсто погибшаго Ратибора, отца нашего помѣщика, пропалъ безъ вѣсти и наши на костяхъ простояли три дня, покуда Нѣмцы не присылали просить помилованія. Вотъ каково!

Всѣ.

Славно!

Евпраксія.

Да, православные, славно! Слава Рускому Богу, не выдаетъ свой народъ, хоть и наслалъ Татаръ за наши грѣхи, но услышитъ молитвы наши и отъ нихъ помилуетъ.

Всѣ.

Помилуетъ.

Наташа.

Послушай-ко, матушка, да твои разсказы еще меньше пѣсни моей подспориваютъ работѣ и ужъ время подходитъ къ завтраку.

Евпраксія.

А что ты думаешь, правда твоя, ну да бѣды большой нѣтъ. Добрые люди по отдохнувъ дружнѣй примутся, — а я побѣгу и велю мужу имъ выкатить на нашемъ дворѣ и меду и пива, и выставить нашихъ Тверскихъ беседокъ пшеничныхъ и пироговъ, сколько душѣ угодно. По милости нашего батюшки Великаго Князя и молодаго помѣщика, всего у насъ довольно, ни въ чёмъ не имѣемъ нужды, а вотъ какъ наша Ксеньюшка за него выйдетъ, то то ли еще будетъ.... Ну да я боюсь опять заговориться, прощайте добрые люди, работайте съ Богомъ, а тамъ милости просимъ къ намъ, угостимъ чѣмъ Богъ послалъ.

Всѣ.

Спасибо.... *(Идутъ работать).*

Евпраксія.

А сего дня еще Сокольничій Чешко не залеталъ сюда.

Наташа.

Нѣтъ, матушка....

Евпраксія.

То-то же нѣтъ, ну, да нѣчего дѣлать: для чего не ты приглянулась нашему помѣщику?... *(Уходя).* Своя кровь все къ сердцу ближе.

ЯВЛЕНІЕ III.

Наташа и Крестьяне.

Наташа.

Да, я бы тотчасъ и промѣняла моего Чешку на твоего Ратиборыча! чѣмъ онъ его хуже? только что не барской сынокъ; а ужъ такой веселой, такой балагуръ, шутникъ, и любитъ меня не меньше ни какого боярина и воеводы; а складываетъ такія пѣсни, что ни кому другому, хоть будь онъ первой Князь, въ голову не придутъ. Семко спою пѣсенку, что онъ въ за прошломъ годѣ мнѣ пропѣлъ, и я съ разу ее затвердила, такъ она пришла мнѣ по сердцу.

Пѣсня.

Не стружекъ на водахъ
Парускомъ мѣлькаетъ,
Не звѣзда въ небесахъ
Сквозь туманъ сверкаетъ;
То краса всѣхъ дѣвицъ
Вечеркомъ гуляетъ;
И сквозь черныхъ ресницъ
Свѣтлый взглядъ кидаетъ.

*

Не въ ковыль отъ огня
Искра заронялась,
То любовь у меня
Въ сердцѣ разгоралась.
Съ темной ночи до дня
И съ утра до ночи;
Вся кручинюся я,
Сна не знаютъ очи.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Юрій, *во время пѣсни подъѣзжаетъ на лодкѣ съ парусомъ, выходитъ на берегъ, осматриваетъ все съ любопытствомъ.*

Юрій.

Богъ на помощь, добрые люди.

Дѣвушки.

Благодарствуй, добрый человѣкъ.

Наташа.

Что это ты все оглядываешь, прохожій? видно ты здѣсь еще не бывалъ?

Юрій.

Нѣтъ.

Наташа.

Такъ ты сердечный, издалека идешь?

Юрій.

Да.

Наташа.

Еслижъ у тебя, голубчикъ, съ чѣмъ держать путь дороженьку?

Юрій.

Есть.

Наташа.

Ты можетъ быть горе мыкаешь, питаясь отъ добрыхъ людей?

Юрій.

Нѣтъ.

Наташа.

Да не надобно ли чего тебѣ?

Юрій.

Ничего, — я бы хотѣлъ только знать, какой это погостъ и чей это домъ?

Наташа.

Это погостъ села Опроковичь; а домъ отца моего старосты Опроковскаго помѣстья.

Юрій.

Отроковскаго? а я думалъ по разсказамъ, что здѣсь село Покровское.

Наташа.

Оно прежде такъ и было, да самъ Князь Великій прозвалъ его Отроковичами съ тѣхъ поръ, какъ пожаловалъ въ помѣстье любимому отроку своему Вассіану Ратиборовичу.

Юрій.

Ратиборовичу!...

Наташа.

Да, сыну того Ратибора, что злые люди загубили въ Новѣгородѣ, гдѣ его Князь поставилъ въ Тысяцкіе, на мѣсто Юрія, котораго, хоть намъ и грѣхъ бранить, а всѣ прозвали крамольникомъ.

Юрій.

Крамольникомъ!... Ну такъ это село пожаловалъ вашъ Князь сыну.... своего любимца....

Наташа.

Да и сынъ также его любимецъ, и также какъ отецъ ему служитъ вѣрой и правдой.

Юрій.

Пустъ его служитъ; да скажи мнѣ какъ зовутъ отца твоего?

Наташа.

Порфирій, по прозвищу Рапша.

Юрій.

Порфирій Рапша.... Ты его дочь.... А много ли еще у него дѣтей?

Наташа.

Да какъ бы тебѣ сказать да не солгать, только я.... да.... наша Ксенія.

Юрій.

Ксенія.... и эта Ксенія также дочь его?

Наташа.

Спроси хоть у нихъ, они тебѣ это скажутъ. *(Въ сторону).* Хоть я и не маленькая, а ни какъ лгать не приучусь.

Юрій.

Ты что-то покраснѣла?

Наташа.

Такъ ничего.... отъ жара.

Юрій.

А солнце кажется не очень жарко свѣтитъ.... давно ли твой отецъ живетъ здѣсь?

Наташа.

Да, года съ два.

Юрій.

А прежде онъ живалъ?

НАТАША.

На нашей родинѣ, подлѣ Торжка и Князь его перевезъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Чешко.

Чешко, *за кулисами.*

Ага! Поймали! Спасибо ребята, надѣньтежъ на него чахолъ, да и на сокольничій дворъ.... ну, летите....

НАТАША.

Ахъ! это Чешкинъ голосъ....

ЮРІЙ.

Кто этотъ Чешко?

НАТАША.

Первый Сокольничій и Стремянной, онъ ужъ два года при Великомъ Князѣ.

ЮРІЙ, *въ сторону.*

Такъ, онъ меня не знаетъ?

НАТАША.

А! милый Чешко, прошу пожаловать, да о чемъ ты такъ хлопочешь?

ЧЕШКО.

Нѣтъ, Наташинька, ужъ не хлопочу, а были было хлопоты и не малыя.

Наташа.

А что было сдѣлалось?

Чешко.

А то, что я чуть было изъ сокольничихъ не сдѣлался вороничьимъ: Великій Князь завтра собирается на охоту, такъ я, чтобъ разправить крылья его любимому соколу и выносить его на зарѣ, сѣлъ на коня и пустился съ ребятами куда глаза глядятъ. Да видишь ли ты какая причина, что у меня отъ чего-то глаза глядятъ въ эту сторону, такъ я и пустился по берегу Волги, мурныкая мою пѣсенку: „Ахъ! ты „Волга матушка“ да и подъѣхалъ по полямъ и лѣсамъ къ Княжему селу Никольскому, пустилъ сокола поразмахаться, да какъ будто у насъ съ нимъ одно на сердцѣ.... мой соколъ взвился въ поднебесье, да и полетѣлъ прямо сюда: я смыкать, кричать, манить его, не тутъ-то было, машетъ сюда не оглядываясь, я за нимъ, онъ отъ меня дальше, а къ тебѣ ближе и сѣлъ на этотъ ракитовъ кустъ.... видишь его тамъ.... я къ нему, анъ глядь, Волга въ прошлую ночь, такъ разыгралась, что и мостъ снесла съ вашего оврага.... что дѣлать? Мы съ ребятами накидали жердочекъ, сдѣлали мостки, перешли пѣшкомъ и схватили залетнаго, а если бы онъ залетѣлъ по далѣ, то бы досталось намъ отъ Князя, онъ страстный охотникъ до соколовъ.

Юрій.

Охотникъ!

Чешко.

Да, охотникъ, развѣ ты этаго не знаешь?

Юрій.

Очень знаю; но знаю также и то, что эта охота не доведетъ до добра.

Чешко.

А чего добраго; говорится же пословица, грошъ бѣжитъ или летитъ, рубль ловитъ, а милліонъ голову ломитъ.

Юрій.

И сломитъ.

Чешко.

Типунъ бы тебѣ на языкъ, вотъ ужъ я при Князѣ въ Стремянныхъ два года, а ни какой бѣды еще, благодаря Бога, не случилось; разсказывали правда мнѣ, что подъ Новымъ-Городомъ погибъ на охотѣ сынъ Тысяцкаго Юрья, да только не отъ сокола.

Юрій, *мрачно*.

Нѣтъ, отъ ястреба.

Чешко.

Какъ отъ ястреба? Да развѣ нашъ Великій Князь изволитъ охотиться съ ястребами?

Юрій.

И съ коршунами.

Чешко.

Съ коршунами? Ахъ! ты некош.... (*Юрій грозно на него взглядываетъ*). Ну, да если ты впередъ скажешь эдакой позоръ про нашего Ярослава Ярославовича, то.... ну, Богъ съ тобой, иди куда шелъ. (*Наташѣ*). Что это у него за взглядъ, кажется такъ и съѣстъ тебя.... кто онъ?

Наташа.

Я и сама не знаю откудова онъ взялся, отвѣчаетъ какъ нехотя, а разспрашиваетъ обо всемъ очень охотно.

Чешко.

А когда такъ, то я его самъ разпрошу и заставлю отвѣчать себѣ порядкомъ. (*Юрію*). Кто ты?.... Откудова?.... Куда идешь? Къ кому и за чѣмъ? Отвѣчай правду.

Юрій.

Я человѣкъ, откудова? тамъ меня нѣтъ, иду, куда Богъ приведетъ, къ тому, кто не ждетъ меня, а за чѣмъ, этаго еще я и самъ хорошенько не знаю, вотъ я тебѣ отвѣчалъ и правду; отвѣчай же и ты мнѣ, да не лги; далеко ли до Твери? тамъ ли Князь Ярославъ? что слышно новаго о Чудской войнѣ?

Чешко.

Ну, а если я тебѣ не стану отвѣчать, тогда что ты скажешь?

Юрій.

Что ты ничего не знаешь.

Чешко.

Да что тутъ и знать-то: спроси хоть у маленькаго мальчика и тотъ тебѣ скажетъ, что отсюда до Твери по Волгѣ доѣдешь въ часъ, а пѣшкомъ и въ четыре не дойдешь; что Князь съ войны воротился ужъ съ мѣсяцъ; что Нѣмецкій Великій Мастеръ разбитъ въ пухъ; что въ Твери съѣхались послы и отъ Царя или Великаго Хана Татарскаго, большой Баскакъ Амраганъ съ Мурзами, и отъ Нѣмцовъ племянникъ Великаго Мастера съ Божіи Дворянами и отъ Новгородцовъ Посадникъ съ Боярами.

Юрій.

Посадникъ! за чѣмъ?

Чешко.

Какъ за чѣмъ? бить челомъ, чтобъ Великій Князь снялъ гнѣвъ свой.

Юрій.

Новгородцы бьютъ челомъ.

Чешко.

Да по неволѣ будешь бить челомъ, какъ въ челѣ-то нѣтъ ни ума, ни разума: на ку-

тили, на мутили, а какъ показались Нѣмцы, то безъ помощи Великаго Князя и костей бы своихъ не отыскали. Ярославъ Ярославовичь ихъ избавилъ отъ бѣды, а видѣть не хочетъ, хотя они торгаши, закупили Татарскаго большаго Баскака, чтобъ онъ замолвилъ слово: и онъ проводя въ Ярославлъ племянницу Великаго Хана, которая вышла за Князя Өеодора Чернаго, пріѣхалъ съ своими Татарами и Татарками, которыхъ всѣхъ я терпѣть не могу.

Юрій.

И я терпѣть не могу, ни Татаръ, ни....

Чешко.

Новогородцевъ?

Юрій.

Да.

Чешко.

Да ты я вижу доброй.... *(Хочетъ ударить его по плечу, Юрій взглядываетъ на него гордо).* Кой чортъ, до тебя и не дотронись; ужъ полно ты не изъ тѣхъ ли?....

Юрій.

Я изъ тѣхъ, которыхъ не бьютъ по плечу.

Чешко.

Да чтожъ за бѣда, хлопнуть изъ дружбы;

Юрій.

Я не прошу твоей дружбы, и благодаря Бога у меня нѣтъ друзей.

Чешко.

А когда нѣтъ друзей, такъ есть....

Юрій.

Непріятели, и я ихъ не боюсь, кто бы они не были.

Чешко.

Ну смотри, на кого наскочишь.

Юрій.

На кого я наскакивалъ, тѣ ужъ не наскакивали на другихъ.

Чешко.

Ого, да ты стало быть большой силачъ.

Юрій.

Не совѣтую тебѣ испытать моей силы.

Чешко.

У меня и безъ совѣта твоего нѣтъ къ тому большой охоты.... если у тебя зудитъ рука на драку, то поди скорѣй въ Тверь, тамъ Великій Князь даетъ пиръ всему народу; Татары и Нѣмцы разохотились показать удальство своихъ Богатырей и Божіихъ дворянъ, а нашъ Ярославъ Ярославовичь тому и радъ; приказалъ быть потѣшнымъ

играмъ и велѣлъ кличь кликать, чтобы наши удальцы перевѣдались съ сопостатами. Только говорятъ что племянникъ Нѣмецкаго Мастера удалъ на всякія воинскія потѣхи, а у Татаръ два Богатыря такихъ, что и въ сказкахъ не найдешь; такъ я крѣпко боюсь, чтобъ наша Русь не сбердила.

Юрій.

Не сбердитъ, мнѣ повѣрь.

Чешко.

Развѣ ты надѣешься на себя, а изъ нашихъ Тверичанъ, что не силачи, легли на войнѣ.

Юрій.

Надѣюсь и пока эту руку не во все отшибла кручина, не позволю при мнѣ хвастать никакому Татарину, а Нѣмецкіе Рыцари давно ужъ знаютъ, тяжела ли она.

Чешко.

Послушай, дядя, не смотря на то, что ты одѣтъ не Воеводой, а я самъ не знаю отъ чего вѣрю твоимъ словамъ; такъ не ударь же себя и насъ въ грязь лицемъ, шлепни о земъ Татарина Чевгу Баншу; они между нами будь сказано почти всѣхъ нашихъ удальцовъ запугали; удружи, избавь насъ отъ стыда.

Юрій.

Я радъ избавить отъ стыда и васъ и себя, только у меня нѣтъ ратной сбруи.

Чешко.

За сбруей дѣло не станетъ, вотъ тебѣ мой завѣтной рогъ, явись съ нимъ къ названному брату моему Якущѣ оружейнечему, онъ достанетъ тебѣ все, что надо изъ Велико-Княжеской оружейной, да не опоздай: потѣхи начнутся послѣ вечерень; развѣ ужъ не дать ли тебѣ моего иноходца.

Юрій.

Мой не измѣнный конь Волга матушка, парусная лодка моя подлѣ берега, вѣтеръ попутный донесетъ меня не хуже твоего иноходца.... Но найду ли я въ оружейной Нѣмецкой шлемъ съ забраломъ.

Чешко.

Найдешь и съ забраломъ и безъ забрала и Нѣмецкихъ и Литовскихъ и Датскихъ и Шведскихъ, какихъ прикажешь. Нашъ Великій Князь, а пуще братъ его Александръ Ярославовичь, набрали ихъ многое множество съ головъ, которыми изустлали мать сыру землю; да поторопись же, покамѣстъ доѣдешь, отыщешь Якушу, возмешь сбрую, нарядишся, время пройдетъ такъ, что и не увидишь, а между тѣмъ если Татары осрамятъ....

Юрій.

Не осрамятъ. *(Наташѣ)*. Мнѣ бы нужда была увидѣться съ отцомъ твоимъ, ну да это еще не уйдетъ; скажи ему только, что

бы онъ завтра ожидалъ къ себѣ стараго знакомаго, которому, если онъ не забылъ Бога, то вѣрно обрадуется. (*Сходитъ къ берегу*). Что будетъ, то будетъ, а сердце не терпитъ, чтобъ не постоять за честь Рускую. Прощай.

Чешко.

Прощай, дай Богъ тебѣ сладить съ Татарами.

Юрій.

И не съ Татарами. (*Отвязываетъ лодку*).

Наташа.

Прощай добрый человѣкъ.

Чешко.

Добрый, то-то полно добрый ли; я какъ на него взгляну, то какъ будто морозъ по кожѣ подеретъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Ксенія.

Ксенія, *входитъ и глядя въ слѣдъ Юрію.*

Ахъ! это.... нѣтъ, быть не можетъ.... только увидя его мое сердце.... такъ заныло.... (*Наташѣ*). Кто этотъ не знакомый?

Наташа.

Не знаю.

Чешко.

Какъ не знаешь? человѣкъ.

Ксенія.

Откуда онъ?

Чешко.

Откуда онъ, тамъ нѣтъ его.

Ксенія.

Ты вѣчно шутишь, добрый Чешко.

Чешко.

А ты вѣчно кручинишься, прекрасная Ксенія, да и этотъ не жданный гость не весельчакъ.

Ксенія.

И ты его ни когда не видалъ.

Чешко.

Видѣлъ теперь и врядъ захочу ли опять увидѣть, развѣ на потѣхѣ и то когда онъ пришибетъ Татарина. А только врядъ ему съ ними сладить, а особливо съ этимъ Банщей, онъ говорятъ, хоть какой панцырь раздеретъ двумя пальцами и дубовый столъ на сквозь кулакомъ прошибаетъ; такъ чтобъ не прошибъ его угрюмую голову.

Ксенія.

Какъ, онъ поѣхалъ драться съ Татарами?

Чешко.

Да чегожъ ты испугалась?

Ксенія.

Я и сама не знаю чего, но мнѣ что то страшно за этаго не знакомаго.

Чешко.

Ну, видно ты его не видала въ глаза, а то бы уже тебѣ было страшно не за него, а отъ него; да Богъ съ нимъ, я не къ нему пришелъ, а къ отцу твоему или бишь къ матушкѣ; старикъ Порфирій не спорщикъ, онъ на все согласенъ что хочетъ Эвпраксія, а захотѣла ли она выдать за меня Наташиньку.

Ксенія, *вздыхая.*

Да.

Чешко.

Это да, меня очень радуетъ, а тебя будто кручинитъ.

Наташа.

Да она вспомнила, что ей какъ большой надо прежде выйти за Вассіана Ратиборовича.

Чешк .

Такъ чтожъ, если онъ не молодецъ, то гдѣ же и сыскать молодца, онъ послѣ Великаго Князя всѣхъ удалѣй.... да ты никогда не видала Великаго Князя.

Ксенія, *въ задумчивости.*

Никогда....

Чешко.

Онъ не на глядное солнышко, краса Руской земли.... да только жаль что онъ не хочетъ жениться.

Ксенія.

Не хочетъ жениться.... отъ чего же?

Чешко.

Охъ, ужъ объ этомъ всѣ спрашиваютъ, да ни кто не можетъ отвѣчать. Какихъ красавицъ нѣтъ у насъ, ди ни одна ему не по сердцу.... и начинаютъ поговаривать, что чуть ли онъ, наше мѣсто свято, не обойденъ, а въ Новѣгородѣ, говорятъ, не безъ того-то....

Ксенія.

Ты радъ все клепать на бѣдной.... но почему ты это думаешъ?

Чешко.

Да по многому, первое потому, что и другіе, кто умнѣй меня, это думаютъ, а второе.... что бишь.... да съ той поры какъ одна дѣвушка захватила мое сердце, я сдѣлался только веселъ, какъ ее вижу.... Князь это на охотѣ замѣтилъ и спросилъ у меня, отъ чего ты Чешко такъ оглупѣлъ?.... Я ему отвѣчалъ: виноватъ, батюшко Великій Князь, влюбился.... въ кого?.... Я

ему назвалъ.... какъ! вскрикнулъ Великій Князь, да эти Отроковскія красавицы сводятъ съ ума всѣхъ моихъ приближенныхъ, и Вассіанъ чуть живъ отъ любви; — да, Государь, любовь не свой братъ, какъ попадешь ей въ тиски, то по неволѣ исхудаешь;— это правда, сказалъ Ярославъ Ярославовичь, вздохнувши горько,—но покрайнѣй мѣрѣ вы знаете тѣхъ, въ кого влюблены — вѣстимо, Государь, а не знавщи и любить не можно;— можно, сказалъ онъ и отворотился отъ меня... нѣчего дѣлать, и я поклонясь примолвилъ, когда ты изволишь говорить, что можно, такъ можно.... а самъ подумалъ: нѣтъ! это дѣло не спаточное.

Ксенія, *вздохнувъ*.

Почему?

Чешко.

А потому, что не спаточное, ну, вотъ я, какъ узналъ Наташиньку, то и полюбилъ, она меня узнала и то же полюбила; не правда ли?

Наташа.

Охота тебѣ спрашивать меня.

Чешко.

Ну, ну, я тебя не спрашиваю, а спрашиваю ее, не ужли она умудрится полюбить того, кого не знаетъ?

Ксенія.

Ахъ, ни за что ручаться не льзя, говорятъ, что сердце человѣческое не исповѣдимо какъ пучина морская и это правда.... такъ точно, правда.... Правда.

Чешко.

Я не знаю какъ у другихъ, а у меня сердце какъ на ладони, хоть глядись въ него, а пуще моя Наташинька какъ разъ себя въ немъ увидитъ.

Ксенія.

А я въ моемъ ничего не вижу, кромѣ тумана, который палъ на него отъ слезъ и отъ воздыханія, часто оно бѣдное тоскуетъ, ноетъ, вѣщуетъ, а что?... Слѣпы глаза наши предъ Господомъ и можетъ быть освѣтитъ ихъ свѣча похоронная.... *(Задумывается)*. Такъ, съ кѣмъ я обручилась?... съ жизнью или смертью.... *(Подходитъ и садится)*. Гдѣ мой суженой.... тамъ.... или.... *(Впадаетъ въ задумчивость)*.

Чешко.

Что она говоритъ? Я не вслушался или не понялъ.

Наташа.

Оставь, не спрашивай ее.... дай пройти.

Чешко.

Чему?

НАТАША.

Чему? вотъ этому, какъ бы тебѣ сказать.... недоумью.... что на нее частехонько находитъ.

ЧЕШКО.

Ай, и она ужъ не обойдена ли? или умъ що у нее....

НАТАША.

Она очень умна.... да только иногда, а пуще какъ проснется, бываетъ будто какъ не въ себѣ.... видишь, ей разъ еще въ Торжкѣ снилось что-то такое страшное, охъ! охъ!

ЧЕШКО.

Страшное, да чтожъ такое?

НАТАША.

То-то и бѣда, что еще и сама про то не знаю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ И ЕВПРАКСІЯ.

ЕВПРАКСІЯ.

Ага! кажется все убраво. Ну, добрые люди, теперь прошу пожаловать на нашъ дворъ и позабавьтесь чѣмъ Богъ послалъ.

ЧЕШКО.

А мнѣ послалъ ли что нибудь Богъ?

Евпраксія.

Послалъ, пойдемъ, пока я ихъ буду подчивать, то съ тобою переговорю. А тебѣ Наташинька не пристало это слушать.... Ба, да вотъ и Ксеньюшка, что ты такъ пригорюнилась, мое дитятко? (*Цѣлуетъ ее*). Не тужи, Вассіанъ Ратиборовичь скоро къ намъ пожалуетъ, будь хотя при немъ по веселѣе.... Пойдемте же, соловья баснями не кормятъ.

(*Уходитъ со всѣми*).

Чешко.

Прощай, Наташинька.... дай Богъ, чтобъ я тебѣ скорѣй сказалъ, здравствуй моя не наглядная женушка.

Наташа.

Дай Богъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ксенія и Наташа.

Наташа.

Бѣдная Ксенія!... у нее лежитъ какая то грусть на сердцѣ.... и ей бы вѣрно легче было, когда бы она.... попытаюсь.... Послушай, добрая сестрица, милая подружинька, не грусти такъ много, а скажи, что у тебя на сердцѣ..... объ чемъ ты такъ задумалась?

Ксенія, *въ мечтаніи.*

Ахъ! за чѣмъ вы глаза мои открылись? что вы встрѣтите на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ горести..... вы сквозь слезы не увидите... какъ вздымается дальная пыль свѣтлымъ облакомъ изъ подъ копытъ коня бѣлаго, какъ блестятъ огнемъ очи соколиныя и отъ топота богатырскаго не забьется сердце вѣщее.... не услышу я голоса родимой моей матушки.

Наташа.

Что ты говоришь моя милая, о какомъ бѣломъ конѣ.

Ксенія.

Бѣломъ конѣ.... а развѣ ты его видѣла или кто тебѣ сказывалъ о немъ?

Наташа.

Ни кто другой, да не сама ли ты теперь говорила о конѣ, о голосѣ, матушкѣ твоей.

Ксенія.

Ахъ! я и сама не знаю, не помню что говорю.... не понимаю что со мною дѣлается.... мысли мои бродятъ и кружатся какъ облака туманные.

Наташа.

Да отъ чего?..., ты часто бываешь будто не въ себѣ?...

Ксенія.

Видно мнѣ народу написано проводить въ мечтаніяхъ ночи темныя, не видѣть на яву свѣта Божія, все что радость для другихъ, горе для меня одной. Великій Князь побѣдилъ сопостатовъ, вся Руская земля обрадована, а мнѣ залегла дорога на мою родину.

Наташа.

Объ этомъ, моя голубушка, тебѣ грустить нѣчего, какъ выйдешь за Вассіана Ратиборовича, то отворятся передъ тобой ворота Новгородскія; ты будешь жить на родинѣ, въ дому Тысяцкаго.

Ксенія.

Да ты развѣ не знаешь, что это нашъ родовой домъ, что Великій Князь отдалъ его Ратибору, когда поставилъ его на мѣсто изгнаннаго отца моего Юрія.

Наташа.

Все знаю, когда отецъ твой началъ мутить и дружить Псковскому Князю Довмонту, то положили на него опалу и все имѣніе его отдали Ратибору; но вѣдь батюшка говорилъ же тебѣ: что люди дѣлаютъ свое, а Богъ свое: люди отдали вашъ домъ въ чужія руки, а Богъ приводитъ тебя же въ немъ жить боярыней, веселясь и припѣваючи.

Ксенія.

Да пойдетъ ли мнѣ въ немъ веселье на умъ и до пѣсенъ ли мнѣ будетъ, когда каждая комнатка, каждой уголокъ, каждое деревцо въ саду, напомнятъ мнѣ о моемъ младенчествѣ, о моей веселой юности.... Тамъ мать моя качала меня на колѣняхъ своихъ, припѣвая любимую свою пѣсенку; тамъ отецъ мой лѣлѣялъ меня на рукахъ своихъ, приговаривая слова ласковыя; тамъ братъ мой забавлялъ меня играми дѣтскими, но не стало у меня ни отца ни матери и братъ мой легъ отъ злодѣйскихъ рукъ.

Наташа.

То-то говорятъ, что онъ убитъ былъ не нарокомъ, кто-то изъ охотниковъ пустилъ стрѣлу въ дикаго звѣря, а она попала въ грудь его, какъ онъ выскакивалъ за звѣремъ изъ лѣса. Ужъ чего Великій Князь не дѣлалъ, чтобъ сыскать виноватаго, но никто не признался; отецъ твой вздумалъ отъ того, что сынъ его погибъ злоумышленно, началъ заводить сумятицу, друзья его погубили Ратибора: такъ стало онъ же во всемъ виноватъ.

Ксенія.

Богъ велитъ мнѣ не судить отца моего, а молиться за него и плакать о немъ, я то и дѣлаю, вчера еще самимъ посадникомъ утвердилась молва въ Твери, о томъ, что

Юрій на удальствѣ въ Пермской землѣ легъ отъ рукъ своихъ товарищей, которые не хотѣли его слушаться. А я можетъ быть завтра должна выйти за Ратиборова сына.... Можетъ быть, если бы онъ зналъ, что я дочь злодѣя отца его, то бы не захотѣлъ на мнѣ жениться..., но мать моя, умирая закляла меня не сказывать о моемъ родѣ ни кому, кромѣ моего мужа и я только послѣ вѣнца могу открыть ему, что твой отецъ, ведя хлѣбъ соль съ Юріемъ и подвергаясь самъ гнѣву Великаго Князя и гоненію Новгородскому, укрылъ меня и съ матушкой въ своемъ домѣ, что отецъ мой покинулъ насъ безъ вѣсти, что матушка не долго пережила разлуку съ другомъ милымъ, что я сироткою сдѣлалась названой дочерью твоихъ родителей, которые также поклялись ни кому не сказывать о моемъ рожденіи, что твоя мать со слезами умоляла меня выйти за него и что я согласилась на то для ея счастія и моей можетъ быть погибели.

Наташа.

Ахъ! нѣтъ, мой сердечный другъ!... отъ чего ты это думаешь?... Вассіанъ тебя любитъ больше самаго себя, онъ изхудалъ по тебѣ и не видитъ безъ тебя Божьяго свѣта; такъ не ужлижъ онъ станетъ упрекать тебя?

Ксенія.

Не онъ, а я сама буду упрекать себя.

Наташа.

Да въ чемъ же?

Ксенія.

Въ томъ, что скрыла отъ жениха тайну, но отъ мужа если стану что таить, то и Богъ меня не помилуетъ....

Наташа.

Да кто тебя хочетъ въ такой грѣхъ ввести, ты ему послѣ вѣнца, хоть не входя еще въ домъ, разскажи....

Ксенія.

Что?.... то что ты знаешь? а какъ я ему скажу, о томъ, чего никто не вѣдаетъ, кромѣ моего изголовья, омытаго горючими слезами?... о томъ, что лежитъ у меня на сердцѣ тяжелѣй камня не подъемнаго.... что крушитъ меня и радуетъ, что не могутъ видѣть ни чьи глаза: что приноситъ мнѣ темная ночь въ безпокойномъ снѣ, что мерещится мнѣ въ каждомъ облачкѣ, что мнѣ слышится въ каждомъ шорохѣ?....

Наташа.

Да что же это такое?.... Ты мнѣ уже не разъ намѣкала о какомъ-то снѣ или видѣніи, — но никогда не хотѣла разсказать, а мнѣ тебя было жалко спрашивать, теперь

же, милая названная сестрица, я прошу не для себя, а для тебя же; повѣдай мнѣ свою кручину, сложи съ сердца своего тяжелый гнетъ, — я по себѣ знаю, что какъ скажешь кому нибудь о томъ, что на душѣ, то и легче станетъ. Ты помнишь, что я тебѣ открыла грусть мою о моемъ миломъ, ты меня разговорила, и съ той поры я какъ свѣтъ увидѣла. Сдѣлай милость, не таися отъ меня; авось либо Богъ мнѣ на умъ пошлетъ чѣмъ помочь горю или утѣшить тебя.

Ксенія.

Горю моему никто изъ живыхъ не поможетъ, а утѣшитъ меня твое соучастіе — да, другъ мой, я не въ силахъ больше скрывать моей тайны; авось, разсказавъ тебѣ что со мною дѣлается, облегчу хоть не много сердце мое; но ты поклянись, что ни кому не повѣдаешь.

Наташа.

Я рада клясться, чѣмъ ты хочешь, отцомъ и матерью, что языкъ мой не поворотится ни кому о томъ слова вымолвить.

Ксенія.

Ну, такъ слушай же. Всѣ добрые люди знаютъ, что матушка рада была помочь всякому, всякаго утѣшить и словомъ и дѣломъ, что она кормила нищую братію, искупала

заточеныхъ, молилась Богу, ходила за больными и не жалѣла ни чего, ни для Господа, ни для людей.

НАТАША.

Да, и я слышала отъ матушки, что въ Новѣгородѣ прозвали ее Серафимой помощницей, и всѣ бѣдные молили за нее Бога.

КСЕНІЯ.

И умолили за душу ея.... Ахъ! если бы отецъ мой слушалъ.... да не мнѣ объ этомъ судить. Ты помнишь, какъ матушка на смертномъ одрѣ, приготовясь къ суду страшному, меня благословляла, она была такъ слаба, что рука ея чуть могла подняться: но вдругъ глаза ея просвѣтилися, голосъ сталъ твердъ и свѣтелъ, какъ въ дни нашего счастія и она сказала мнѣ: „не плачь, дочь моя, страданіе мое оканчивается, я не умираю смертью, а начинаю только жить жизнію.... Я вижу что мнѣ уготовано тамъ, гдѣ мы съ тобою свидимся, но дотолѣ я стану молиться за тебя, дитя мое, всякое твое доброе дѣло устроитъ мои радости, за всякую вину твою, я буду плакаться предъ Творцемъ моимъ и стану просить тебя помилованія.... Я покидаю тебя въ бѣдности и гоненіи, но оставляю тебѣ примѣръ жизни моей, научися въ немъ терпѣнью, любви и надежды не на людей, а на Того, предъ кѣмъ ни одинъ вздохъ, ни одна слезинка не пропадетъ даромъ.... Прости....

Тѣло мое земля, и будетъ землей, а душа моя и за гробомъ не оставитъ тебя.„ Сказала, закрыла глаза, и какъ будто заснула тихимъ сномъ; мы долго молчали, боялись разбудить ее.... Но.... (*Закрывая глаза*) Его святая воля совершилася.... А слова ея не прошли мимо, и душа ея меня не оставила.

НАТАША.

Какъ? Развѣ ты ее видѣла?

КСЕНІЯ.

Ахъ!.... въ самый тотъ день, какъ мы справляли по ней сорочины, я не могла ни слезиньки выронить надъ ея могилою, и тогда только слезы мои прорвались рѣкой, какъ я вошла въ мою комнату, тамъ я затеплила свѣчу поминальную, пала на колѣни и молилась отъ всего сердца за усопшую.... глаза мои начали смыкаться, я чтобъ прогнать дремоту, взяла книгу и стала по ней въ слухъ читать; но скоро...не взвидѣла словъ, все передо мной затуманилось, свѣча угасла, вѣки опустилися, голова съ плечь покатилася и я только успѣла броситься на постель и заснула крѣпкимъ сномъ.... Вдругъ мнѣ начало сниться что-то такое странное, такое не ясное, что я припомнить хорошенько не могу.... Мнѣ чудилось: что будто я на нашемъ дворѣ, только ужъ онъ былъ обитъ новымъ тесомъ и усаженъ цвѣтистыми деревьями, вдали послышала вѣчевой колоколъ.... и я очу-

шилась на большомъ мостѣ.... Волховъ ревелъ, вѣтеръ бушевалъ.... съ обоихъ концевъ неслись голоса страшные, какъ крики вѣщихъ вороновъ.... на Торговой сторонѣ была сумятица, народъ волновался какъ море.... и то покажется мнѣ отецъ мой.... то Ратиборъ.... то еще кто-то мелкнетъ съ Княжой Хоругвію.... Но вдругъ все пропало.... Все какъ будто прояснилося, и я вижу матушку на Софійскомъ крыльцѣ; сердце мое забилося, хочу къ ней броситься и закричать: ахъ! ты моя родимая! Но ни ноги, ни руки меня не слушаются и языкъ мой онѣмелъ во рту.... Тутъ матушка взглянула на меня радостно и указала перстомъ въ эту сторону.... Я оборотила голову и вижу тамъ всадника на бѣломъ конѣ.... Я какъ будто по неволѣ стала въ него всматриваться, онъ былъ въ охотничьемъ платьѣ, соколъ на его рукѣ сверкалъ глазами какъ зарница.... а свѣтлое лице всадника показалось мнѣ знакомымъ.... Я начала припоминать, гдѣ его видѣла, какъ слышу матушкинъ голосъ:—„вотъ твой суженой!...„Оглянулась, матушки не стало,—оборотилась, всадникъ изчезъ и я сама понеслась какъ на крыльяхъ.... Но въ самое это время солнышко блеснуло сквозь пологъ мнѣ прямо въ глаза, просыпаюсь и вижу что ты и мать твоя стоите надо мною; я хочу васъ спросить, куда они дѣвались? открываю уста.... но вдругъ, вспомня, что это былъ сонъ, заливаюсь слезами.

Наташа.

И я это помню, мы съ матушкой испугались, что ты такъ долго спишь, и глядя на тебя, дивились, что у тебя на щекахъ то вспыхнетъ вдругъ румянецъ, то погаснетъ, ты улыбалась и плакала, и тогда матушка сказала: тише, ей что-то мерещится, — и этотъ сонъ не даромъ....

Ксенія.

Точно не даромъ! вотъ ужъ сколько времени прошло, какъ я его въ первый разъ видѣла, а онъ все будто у меня въ глазахъ.

Наташа.

Въ первый разъ? Такъ ты его развѣ много разъ видѣла.

Ксенія.

А такъ много, что всего и припомнить не могу.

Наташа.

И все точь въ точь, какъ въ сорочины.

Ксенія.

О нѣтъ! иногда мнѣ снилась матушка на берегу Волги, иногда будто стоитъ передо-мной, а гдѣ и сама не знаю; иногда, будто она подымалась со мною и мнѣ было такъ легко, такъ легко, что и сказать не могу.... Однажды я вижу, что она схватила меня за руку и мы упали въ пропасть, летѣли какъ камень внизъ и очутились на

Ярославовомъ дворѣ; только всякой разъ съ той стороны мелькалъ всадникъ на бѣломъ конѣ, и матушка всегда говорила: вотъ твой суженой.

НАТАША.

А на яву ты его никогда не встрѣчала?

КСЕНІЯ.

Ахъ! кажется встрѣтила....

НАТАША.

Какъ же?

КСЕНІЯ.

Когда мы еще уходили изъ Новагорода съ покойной матушкой и переправлялись черезъ Тверцу, вдругъ набѣжали на насъ люди ратные.... мы бросились въ лѣсъ, но они нагнали меня и схватили за руку.... я стала кричать: и на крикъ мой съ другой стороны выскакалъ онъ.... такъ точно онъ.... я его узнала и во снѣ; по бѣлому коню, по соколу, по взгляду ласковому, по моему сердцу. Ратные люди, увидя его издали, пустились куда глаза глядятъ, и я побѣжала въ лѣсъ.... Но вдругъ, какъ-то оглянулась и вижу, что онъ стоитъ у самой рѣки и смотритъ мнѣ въ слѣдъ. Страхъ меня взялъ, я опять было побѣжала, но не утерпѣла чтобъ еще не взглянуть.... онъ стоялъ какъ вкопаной на томъ же мѣстѣ.... Глаза наши повстрѣчались....

лице мое вспыхнуло, слезы брызгнули.... но матушка взяла меня за руку.... Я пошла за нею, не смѣя, сама не знаю отъ чего, ни оглянуться, ни спросить ее о его имени.... Матушка никогда не вспоминала мнѣ о этомъ случаѣ; а я не могла улучить времени заговорить объ немъ.... и стала было ужъ со всемъ забывать, какъ призракъ напомнилъ мнѣ его и матушка сказала мнѣ во снѣ, что онъ мой суженой.... но кто же онъ? гдѣ мнѣ быть за нимъ?... Человѣкъ онъ или.... ахъ! кто бы онъ ни былъ, но лице его глубоко врѣзалось въ мое сердце. Посуди же каково мнѣ выходить за другова.

НАТАША.

Однакожъ ты выходишь?...

КСЕНІЯ.

Выхожу, для того, что я дала слово твоимъ родителямъ, заплатить за призоръ и попеченіе обо мнѣ, твоимъ и ихъ счастьемъ.... они пріютили къ себѣ беззащитную сироту, назвали ее родною дочерью и она должна имъ повиноваться, какъ родная дочь.... Но Богу одному извѣстно что со мною будетъ, выйти ли мнѣ за Вассіана или найти суженаго въ сырой землѣ?

НАТАША.

Какъ! не ужъ ли ты хочешь положить на себя руки?

Ксенія.

Что ты говоришь!... жизнь моя—Божій даръ; Онъ далъ, Онъ и возьметъ ее, и я ни за что не загублю души моей.... да сонъ нынѣшней ночи предсказалъ мнѣ мой послѣдній часъ.... я видѣла, будто меня привели къ вѣнцу, поставили на черныхъ соболяхъ, сняли съ руки кольцо обручальное, перемѣнили на другое съ алмазами; я ужъ стала надѣвать его на палецъ перстенной.... какъ взглянула вдругъ на жениха моего.... и это былъ онъ.... да, милая, онъ самый и смотрѣлъ на меня такъ ласково; матушка обняла обоихъ насъ и сказала громкимъ голосомъ: вотъ твой суженой.... будь за нимъ.... я васъ благословляю.... Радость меня разбудила и я слышу заунывный звонъ и матушка твоя говоритъ, что это на поминки по родителямъ.... такъ стало быть мой суженой ждетъ меня у родителей.... и на свѣтѣ для меня....

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Чешко и *потомъ* Евпраксія и Порфирій.

Чешко, *вбѣгая.*

Все кончено.

Ксенія.

Кончено!... Боже!...

Чешко.

Чего же ты испугалась?... Я говорю все кончено, то есть, мы ударили по рукамъ съ стариками, она моя невѣста; да, Наташинька, обними же жениха твоего.

Наташа.

Да какъ?

Евпраксія, *входя.*

Обними, я позволяю.

Порфирій.

А я благословляю, дай Богъ вамъ совѣтъ и любовь, друзья мои,... я люблю Чешку, онъ малой доброй и ежели бы жена моя не такъ охотилась до Бояръ, то бы....

Евпраксія.

Полно вздоръ говорить, ну дѣло кончено, я согласна и если ужъ не ее, то Богъ привелъ Ксеньюшку быть за Боярскимъ сынкомъ; она также дочь наша.

Чешко.

Ну-ко скажи мнѣ своячина, будешь ли ты любить твоего деверя, а?

Ксенія.

Да, я люблю добрыхъ и веселыхъ людей.

Чешко.

Смотри еще какъ я развернусь на твоей свадьбѣ.... Ба, да вотъ и другой женихъ переходитъ черезъ мостки.... Сюда, сюда....

Ксенія, *схватя Наташу за руку.*

Ахъ! другъ мой!... Это не тотъ.

Евпраксія.

Добро пожаловать дорогой гость, добрый нашъ помѣщикъ, будущій зять.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Вассіанъ.

Вассіанъ.

Ахъ! друзья мои! давно уже мое сердце не радовалось, какъ сего дня, Великій Князь благословилъ меня.

Ксенія.

Ахъ!

Евпраксія.

Слава Богу и будетъ самъ на свадьбу.

Вассіанъ.

Нѣтъ, онъ сказалъ мнѣ: я вижу, что любовь тебя губитъ, женись, я тебя благословляю; завтра велю сдѣлать твою свадьбу, но самъ не буду.... Ты знаешь, я не люблю

видѣть, что мнѣ напоминаетъ.... Онъ замолчалъ, но для меня довольно было, чтобъ выразумѣть отвращеніе его отъ женидьбы...

ЕВПРАКСІЯ.

Да отъ чегожъ въ немъ это отвращеніе?

ВАССІАНЪ.

Не знаю, видно онъ еще не встрѣтилъ ни кого по сердцу, а если бы увидѣлъ мою... но, Ксенія, ты кажешся еще печальнѣй прежняго.... Или ты не хочешь быть за мною?

ЕВПРАКСІЯ.

Какъ ей не хотѣть.

ВАССІАНЪ.

Я прошу тебя, Ксенія, скажи мнѣ откровенно, не родъ ли мой, не милость ли Великаго Князя, не помѣстье ли мое принуждаютъ тебя согласиться на мое счастіе?

КСЕНІЯ.

Клянусь тебѣ Творцемъ небеснымъ, что ни родъ твой, ни милость Княжая, ни помѣстье твое, не заставили бы меня выйти за тебя....

ВАССІАНЪ.

Но ты можетъ быть повинуешься волѣ родителей?

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, я повинуюсь одной воли Божіей, и если ты мнѣ сужденъ, то будешь моимъ

мужемъ, а выйдя за тебя, я не подвергнусь твоему гнѣву ни какою виною и буду чтить тебя, какъ Богъ велѣлъ.

ВАССІАНЪ.

Ахъ! я тебѣ вѣрю Ксенія.... но голосъ твой, но твой взглядъ не радуютъ моего сердца, какъ бы я хотѣлъ; они не успокоиваютъ моей души.... мнѣ кажется, что ты не любишь меня....

ЕВПРАКСІЯ.

Какъ ей не любить тебя....

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, я люблю тебя столько, сколько могу, почитаю твое доброе сердце, чувствую все, чѣмъ ты меня жалуешь.... Богъ видитъ мою душу и знаетъ, говорю ли я правду.

ВАССІАНЪ.

Твои прелестныя уста не могутъ отворяться ложью; такъ ты любишь меня, сколько можешь?

ЕВПРАКСІЯ.

И всякой любитъ по силѣ, по мочи своей.

ВАССІАНЪ.

Но я люблю болѣе силъ моихъ, Онъ свидѣтель, какъ я изнемогъ, изхудалъ отъ того, что Великій Князь не благоволилъ на нашу свадьбу. И если Ксенія согласна, то завтра мы обвѣнчаемся въ вашемъ приходѣ.

КСЕНІЯ.

Завтра?

Вассіанъ.

Это тебя пугаетъ?

Евпраксія.

Еще бы не пугало и какая дѣвушка безъ страха выходитъ за мужъ, судьба ея не извѣстна, кто знаетъ, что можетъ быть.

Ксенія.

Такъ, но я согласна, и да будетъ воля Божія.

Порфирій.

И родительское благословеніе.

Евпраксія.

Ужо еще успѣешь благословить, а теперь проси наше красное солнышко войти въ домишко нашъ и мы его угостимъ, чѣмъ Богъ велѣлъ по его же милости.

Вассіанъ.

Я пришелъ сюда, чтобъ только вамъ сказать о волѣ Великаго Князя и долженъ тотчасъ воротиться въ Тверь, Князь нынче даетъ пиръ и воинскія игры, то я не хочу, что бы наши безъ меня переведались съ Татарами и Нѣмцами.

Порфирій.

Да хоть на часокъ войди.

Чешко.

Войдемъ и успѣемъ еще соколами налетѣть на богатырей, я и самъ хочу шлепнуть въ грязь какую нибудь плоскую рожу.

Евпраксія.

Ну такъ войдемъ же, а вы поведите жениховъ своихъ.

Вассіанъ, *беря руку Ксеніи.*

Рука твоя трепещетъ.

Ксенія.

Да, и можешь ли ты требовать, чтобъ я была спокойна въ эту минуту.

Вассіанъ.

Ахъ! я ничего не требую, кромѣ любви твоей

Порфирій и Евпраксія.

Прошу пожаловать.

Чешко, *Наташѣ.*

А твоя рука не трепещетъ?

Наташа.

Однакожъ сердце очень бьется.

Чешко.

Отъ радости, не такъ ли моя красавица?

Наташа.

Да.

Чешко.

Я по себѣ угадалъ.

(Входятъ въ домъ).

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театрѣ представляетѣ Княжой дворѣ сѣ переходами; на лѣвой сторонѣ большое мѣсто сѣ балдахиномѣ для Князя и Посла; на правой, мѣста для гостей; за Княжьимѣ мѣстомѣ богатыя ворота.

ЯВЛЕНІЕ I.

Весь дворъ Княжой *наполненѣ служителями*, **Чешко** *вѣ томѣ числѣ*, **Князь Ярославъ** *сходитѣ по переходамѣ, вѣ сопровожденіи своихѣ* **Бояръ** *и отроковѣ.*

Хоръ, *при входѣ Князя.*

Да здравствуетъ нашъ батюшко, Великій Князь —
Лѣта многіе, дни несчетные —
Да порадуетъ его самъ Господь съ небесъ,
Какъ онъ радуетъ своихъ подданныхъ.
Ярославъ нашъ, солнце ясное,
Свѣтитъ бѣднымъ и убогимъ всѣмъ,
Безъ корысти, безъ различія,
Согрѣваетъ всѣхъ дѣтей своихъ.

Ярославъ.

Здравствуйте вѣрные слуги Руской земли, здравствуйте добрые товарищи: я просилъ

васъ погостить и потѣшиться на нашемъ Велико-Княжескомъ дворѣ; не осрамимся нынче предъ чужими людьми, не дадимъ насмѣяться намъ, ни Татарскимъ богатырямъ, ни Нѣмецкимъ Рыцарямъ.

Бояринъ.

Надѣйся, Государь Великій Князь, на грудь нашу твердую, на руки наши обычныя къ ратному дѣлу и съ тобой и съ братомъ твоимъ; кличь прокликали и удальцы съ веселыми сердцами собрались къ твоему Велико-Княжескому двору, надѣйся на нихъ, наша надежа Ярославъ Ярославовичь.

Ярославъ.

Еслибы я не надѣялся на твердую вашу грудь, то бы не водилъ васъ на тѣхъ Рыцарей, которые мечемъ своимъ отняли у сосѣдей нашихъ землю и воду, которые нагнали страхъ отъ Востока до Сѣвера; но они испытали остры ли наши копья, сильны ли наши плеча. Такъ друзья, Богъ намъ помогъ отстоять Ижорскую землю и нашу отчину Великій Новгородъ; Онъ же поможетъ намъ, какъ придетъ время, отомстить за Рязань, Кіевъ и Черниговъ: сѣющіе слезами радостію пожнутъ: но Господь не совсемъ еще отложилъ гнѣвъ свой, Онъ послалъ слѣпоту на Князей и народъ, за междоусобіе, буйство, крамолы и киченіе; Онъ же и просвѣтитъ очи наши. Побѣды брата моего Александра

на брегахъ Невы, счастіе наше въ послѣднюю брань напоминаютъ намъ времена Владимировъ и Ярославовъ;—солнце Руское проглядываетъ сквозь темныя тучи. Раздробленные члены святой родины соединяются въ одно тѣло, въ одну душу, скоро подъ однимъ шлемомъ и съ однимъ щитомъ возстанетъ слава Руская и тогда, кто дерзнетъ противъ насъ? Но теперь, покоряяся еще тяжкой десницѣ необходимости, я долженъ угощать посла Ханскаго, который пришелъ замолвить слово за смутниковъ Новгородскихъ, и я при немъ дамъ судъ моимъ подданнымъ и приму племянника Великаго начальника Нѣмецкихъ Рыцарей;—пусть же Татаринъ узнаетъ, что ещё на Сѣверѣ гремитъ Руской громъ и блеститъ молніей за синій Донъ. Но я слышу пѣсни Татарскія,—примите Посла и всѣхъ кто съ нимъ съ честью и введите его сюда по обычаю, а потомъ отворите ворота удалымъ борцамъ. *(Бояре идутъ на встрѣчу къ Послу,— Великій Князь подходя къ Вассіану).* Когда будетъ твоя свадьба?

Вассіанъ.

Завтра, Государь Великій Князь, я по милости твоей буду счастливъ.

Ярославъ.

Счастливъ.... дай Богъ.... хоть тебѣ... *(Чешкѣ).* Завтра съ свѣтомъ мы ѣдемъ на охоту съ соколами.

Чешко.

Слушаю, Государь.... а время будетъ славное.

Ярославъ.

Да, я предчувствую, что завтра мы весело по-охотимся, — но вотъ Посолъ.... что дѣлать? благоразумiе велитъ повиноваться небходимости, скрѣпись мое сердце, тяжко тебѣ униженiе, но скоро оно падетъ на враговъ нашихъ; и пусть потомки наши, вспоминая о немъ, сильней почуствуютъ свое блаженство и величiе.

ЯВЛЕНIЕ II.

Тѣже, Амрагамъ, богатыри, женщины и воины Татарскiе *идутъ за музыкой и хоромъ.*

Ярославъ, *идя на встрѣчу Послу.*

Да благословитъ Богъ пришествiе твое Мурза Амрагамъ, Посолъ Великаго Хана Магну-Тимура, и вы Мурзы и богатыри славнаго Монгольскаго народа. Добро пожаловать.... Миръ и благоденствiе вамъ и вашимъ!

Амрагамъ.

Миръ и благоденствiе и милость Великаго Хана Магну-Тимура, повелителя, Государя и господина всѣхъ Царей и Царствъ, всѣхъ Княжествъ и Князей, тебѣ сыну его Великому Князю Тверскому, Новгородскому, Владимирскому и прочихъ земель утвержденныхъ за тобою его Царскою благостiю.

Мы пришли по просьбѣ твоей на твой Велико-Княжеской дворъ потѣшиться, показать удальство нашей Монгольской молодежи и посмотрѣть досужство твоихъ Княжескихъ слугъ.

Ярославъ.

Я радъ твоему посѣщенію, и почту тебя по нашему гостепріимному обычаю первымъ мѣстомъ. Но прежде начатія игръ, я приму посланниковъ Новгородскихъ и Нѣмецкихъ, что бы ты видѣлъ правду мою, и могъ о ней извѣстить Великаго Хана.

(Даетъ знакъ, и сажая Посла, самъ садится подлѣ него; ворота растворяются, входятъ Новгородцы и Рыцари.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, Магнусъ Роденштейнъ съ Рыцарями, Повша съ Новгородцами, народъ и борцы, *между которыми* Юрій *съ закрытымъ шлемомъ.*

Ярославъ.

Говори, Посадникъ Новгородскій, съ чѣмъ ты осмѣлился явиться предъ лице Великаго Князя и Государя вашего?

Повша.

Мы, Посадникъ и весь Великій Новгородъ, просимъ тебя Великаго Князя, чтобъ снялъ съ насъ гнѣвъ свой и умирилъ

насъ съ Нѣмецкими Рыцарями, какъ Богъ тебѣ по сердцу положитъ, о чемъ мы и бьемъ челомъ.

Юрій, *въ сторону, проходя противъ Княжескаго мѣста.*

И я это слышу!

МАГНУСЪ.

Признавая предъ лицемъ всего свѣта мужество твое, Великій Князь Рускій, мы требуемъ отъ тебя, какъ отъ Государя ихъ, мира и дружбы. Такъ, Богъ далъ тебѣ по упорной битвѣ побѣду; но не возгордись, Государь, твоимъ счастіемъ и не позабудь, что долго мы дрались и не уступали тебѣ шага земли, что лучшіе воины твои легли подлѣ нашихъ и что мы, лишась въ битвѣ Епископа Дерптскаго, не лишились того мужества, которое извѣстно Мусульманамъ на берегахъ Іордана, и идолопоклонникамъ въ поляхъ Финскихъ, Ливонскихъ, Эстонскихъ и Ижорскихъ.

ЯРОСЛАВЪ.

Такъ, вы доказали сами, что гордымъ Богъ противится; Онъ наказалъ на берегахъ Кеголи ваше высокомѣріе и помогъ рукѣ моей защитить правду и возвратить отнятое вами изъ моей Новгородской отчины.... но дѣло кончено, неправда наказана; я дарую васъ миромъ и дружбой, которыхъ

вы требуете. Оставьте въ покоѣ Новгородъ и Псковъ, идите въ предѣлы ваши за Нарову, которая будетъ нашей границей, и не забывайте, что мы не отдаемъ своего даромъ. *(Новгородцамъ).* А вы благодарите имя Руское за то, что я во все не оставилъ васъ за ваши буйства.... но знайте, что нога моя не коснется береговъ Волхова, ваши жены и дѣти не увидятъ ни когда лица вашего Государя.

Повша.

Отложи, Великій Князь, гнѣвъ на милость, испытуй нашу вѣрность, вели намъ сражаться съ врагами твоими, мы по слову твоему станемъ крѣпко за тебя Великаго Князя и за правду Новгородскую, и аще смерть, аще животъ, не пощадимъ себя и дѣтей нашихъ; но не лишай насъ зрѣть у себя свѣтлыя твои очи: да судитъ Богъ и святая Софія тѣхъ, которые прогнѣвили тебя: — не мы, Великій Князь, причиною смерти Ратибора; а кто виноватъ, такъ тотъ и наказанъ; мы изгнали нашихъ крестопреступниковъ въ слѣдъ за ихъ смутникомъ Юрьемъ, не укрылъ его отъ правды нашей Князь Довмонтъ: крамольникъ на удальствѣ въ Перми погибъ отъ своихъ же непокорныхъ товарищей и ты его никогда не увидишь.

Юрій.

Увидитъ — и скоро.

Ярославъ.

Помня завѣтъ Мстислава Храбраго, я помогъ Новугороду, не жалѣя ни себя, ни моихъ вѣрныхъ воиновъ; но жить съ крамольниками не стану.

Повша.

Но вспомни, что Мстиславъ Мстиславовичь простилъ насъ за вины, и, почивая тѣломъ въ землѣ Новгородской, душою поборалъ по насъ, тебѣ, Великій Князь. Смилуйся надъ нами! а ты, Посолъ Великаго Хана, и вы Бояре Тверскіе, замолвите за насъ слово.

Амрагамъ.

Князь Ярославъ Ярославовичъ! Великій Ханъ Магну-Тимуръ, утвердя тебя Княземъ Новгородскимъ, пожаловалъ милостію своею Новгородъ; такъ не ужъ ли ты отречешься отъ его слова?

Магнусъ.

Мы пришли къ Великому Князю и не хотимъ знать Новгородцевъ. Кому Богъ далъ побѣду, съ тѣмъ мы и миримся; а безъ того еще осталось у насъ довольно крестовыхъ мечей, довольно добрыхъ коней, чтобы заплатить Новгородскимъ купцамъ за неправду и самохвальство.

Ярославъ.

Пока я живъ, ни какой городъ, ни какая вѣсь Руская не устрашатся ни копій,

ни мечей вашихъ; но внявъ голосу сердца, моего, и для брата, который любилъ неблагодарныхъ Новгородцевъ, я не отрекаюсь отъ слова Ханскаго и прощаю мою отчину Великій Новгородъ, но съ тѣмъ, что бы глаза мои не встрѣчали въ немъ ни рода, ни племени крамольника Юрія.

Повша.

Благодарю тебя, Великій Князь, а жена и дочь Юрьевы уже за долго до слова твоего высланы отъ насъ, и мы подъ смертною казнію запретили укрывать ихъ и заложили имъ ходъ на Новгородскую землю; пусть ихъ съ нищенскою сумою скитаются и умираютъ — мы и знать о нихъ не хотимъ.

Юрій.

Вотъ какъ платятъ за раны торгаши Новгородскіе.

Ярославъ.

Я не казню дѣтей и женъ за вину отцевъ; но только не хочу ихъ видѣть, не хочу что бы они напоминали мнѣ о преступленіи Тысяцкаго Юрія, котораго мужество наградилъ братъ мой, и я жалѣю, что онъ палъ не на полѣ сраженія и понесъ во гробъ съ собою не добрую славу;—я знаю, что мщеніе за сына ослѣпило его и предало противъ меня Довмонту; — но что бы увѣрить его, что Димитрій сынъ его погибъ не отъ злоумышленія, я искалъ вездѣ виноватаго и не могъ найти.

Юрій.

Виноватаго Богъ сыщетъ.

Повша.

Всѣ добрые люди знаютъ, что ты любилъ сына Юрьева, и что ты не потатчикъ дурнымъ дѣламъ, и Богъ наказалъ того, кто умышлялъ зло противъ тебя, Великій Князь.

Юрій.

Богъ и накажетъ убійцъ.

Ярославъ.

Что прошло, то прошло:—я все забываю, и да будетъ впредь между нами миръ и любовь.

Новгородцы.

Да будетъ.

Ярославъ.

Ты слышалъ мою правду, Великій Баскакъ; начнемъ же теперь на общей радости наши потѣхи,—вели своимъ богатырямъ выйти впередъ, и ты Магнусъ Роденштейнъ не откажешься учавствовать въ нашихъ играхъ.

Магнусъ.

Наши Рыцари готовы; Вильгельмъ Мантейфель, Карлъ Менеденъ, Отто Плеттенбергъ, Густавъ Остенъ, Артуръ Корфъ и ты старый Левенвольдъ, докажемъ, что въ насъ течетъ кровь Крестоносцевъ, и поддержимъ честь нашего ордена.

Амрагамъ.

Чевгу, Банши, Дюдень, Ісуфъ, Бѣгичъ, и вы всѣ Мурзы и Богатыри Великаго Хана, накажите тѣхъ, кто осмѣлится схватиться съ вами.

Ярославъ.

Богатый поясъ, кубокъ и золотая гривна, награда удалымъ; — Великій Баскакъ разсудитъ, кто достойнѣе которой награды и дастъ ее изъ рукъ своихъ побѣдителю.

Амрагамъ.

И прибавлю отъ себя удалаго коня и сбрую ратную тому, кто въ силахъ одолѣть Чевгу или Банши;—но я увѣренъ, что и женщины, которыя съ нами провожали Княгиню Ярославскую, заставятъ краснѣть стрѣлковъ и борцовъ Христіанскихъ и отнимутъ у нихъ охоту испытать силу Богатырей. Начните потѣхи по нашему стрѣляньемъ изъ лука, и пусть дочери Монгольскія покажутъ, мѣтки ли и сильны ли ихъ нѣжныя руки. Кто изъ твоихъ стрѣлковъ хочетъ съ ними поспорить въ досужствѣ?

Ярославъ.

Мои Тверичане не хвастаютъ стрѣляньемъ и уступаютъ безспорно побѣду твоимъ красавицамъ,—пусть глядя на ихъ ловкость и проворство разгораются сердца молодецкія

на борьбу и ручной бой. Трубите въ трубы рожаныя, ставьте цѣль надъ воротами, красавицы натягивайте луки свои, и которая изъ васъ сшибетъ цѣль, та получитъ ожерелье жемчужное и три куска золотой парчи; — начинайте все какъ водится.

(Игры начинаются—сперва стрѣляютъ Татарки на бѣгу, когда одна попадетъ въ цѣль, то всѣ кричатъ: ура! и она изъ Княжихъ рукъ получаетъ ожерелье— потомъ начинается борьба, Чешко отличается и, подшибя подъ ногу лучшаго Татарскаго борца, кричитъ).

Чешко.

Онъ лежитъ и поясъ мой.

Амрагамъ.

Твой.—Возьми поясъ и бѣги куда глаза глядятъ; ты подшибъ, а не сшибъ,—взялъ не силою, а обманомъ; мы же Монголы не любимъ не правды.

Чешко, *взявъ поясъ.*

Чѣмъ ни взялъ, да взялъ, и сей часъ отвезу поясъ моей милой.

Ярославъ.

Теперь пришло ваше дѣло, храбрые Рыцари и могучіе Богатыри.

Магнусъ, *вставая съ своего мѣста.*

Позволь мнѣ, Великій Князь: гдѣ блеститъ мечь или стучитъ булава, тамъ Роденштейны ни когда не сидѣли сложа руки.

Ярославъ.

Ты властенъ сражаться, храбрый Магнусъ.

(Сраженіе на булавахъ и мечахъ начинается, Магнусъ, Вассіанъ, Чевгу и Банши остаются побѣдителями. Магнусъ, положа трехъ Татаръ и Новгородцовъ, остается побѣдителемъ, но Банши на него нападаетъ— Вассіанъ повергаетъ Чевгу).

Амрагамъ.

Какъ? Чевгу, и ты осрамился передъ ребенкомъ!

Чевгу.

Да, но не на долго.

(Банши вышибаетъ мечь у Магнуса).

Амрагамъ.

Славно, Банши.

Ярославъ.

Ты, благородный Магнусъ, хотя и побѣжденъ; но, низложа трехъ, достоинъ моего уваженія:—вотъ кольцо мое, носи его въ память Ярослава.

Амрагамъ.

Кубокъ Богатырю Банши, гривна Рускому!—Татары не носятъ цѣпей, а кладутъ ихъ на другихъ.—Благодари молодой человѣкъ Богатыря Чевгу, онъ подарилъ тебѣ моего коня и збрую.... Они....

Банши.

Мои, и пусть осмѣлится онъ, или кто другой поудалѣй его, отнять ихъ у меня — не ѣзжать Рускимъ на коняхъ нашихъ, не нашивать имъ нашей сбруи....

Вассіанъ.

Не хвастай, Мурза.

Банши.

Татары не хвастаютъ, а побѣждаютъ.

Вассіанъ.

Такъ побѣждай же.

(Начинается бой, Вассіанъ побѣжденъ).

Банши.

Чевгу, подыми его и скажи ему, что конь мой, и я на немъ потопчу землю Рускую.

Юрій.

Наглецъ!... вся кровь въ сердце выкипѣла; но авось безъ меня обойдется.

Баниши.

Ну, чтожъ, крещеные удальцы! что вы задумались? Чего дожидаетесь? Подходите кому есть охота лежать подъ моимъ каблукомъ, — я готовъ переведаться съ вами по одиначкѣ, или со всѣми вдругъ, и положить здѣсь столько смѣльчаковъ, сколько легло Князей вашихъ при Калкахъ, отъ дѣдовскихъ рукъ.

Юрій, *дѣлаетъ движеніе.*

Ярославъ.

Молчи, Татаринъ.... не гордись своею удачею; мои братья ратные ожидаютъ слова моего, они знаютъ, что Князь ихъ самъ радъ отмстить за честь Рускую.... Оружіе!...

Юрій.

Постой, Ярославъ Ярославовичъ, не срами Святой Руси; не марай Княжескихъ рукъ о Татарина; позволь мнѣ калекѣ съ нимъ переведаться, не для награды твоей и Татарской, а за честь Рускую.

Амраганъ.

Кто ты дерзкой? и какъ смѣешь ругаться Богатырями Великаго Хана?

Чешко.

Ба! да это давишній мой....

Юрій.

Кто я, до этаго ни тебѣ, ни кому дѣла нѣтъ. А какъ я смѣю, такъ ты увидишь на дѣлѣ.... Становись Татаринъ, и дерись не на животъ, а на смерть.

Банши.

На смерть тебѣ!

Юрій.

Я давно побратался съ смертью, а каково-то тебѣ будетъ съ ней знакомиться.... Становись! (*Дерутся, Юрій повергаетъ Татарина, возноситъ мечъ свой но останавливаясь говоритъ*): Живи и отмщай за меня кому можешь. (*Послу*). Ты видѣлъ какъ я смѣю.... (*Ярославу*. А ты еще увидишь; прощай.

(*Уходитъ*).

Амрагамъ.

Держите его.

Ярославъ.

Никто не смѣй до него дотрогиваться. (*Послу*). Онъ побѣдилъ твоего Богатыря и отмстилъ за честь своей родины; такъ не ужъ ли ты думаешь, что Князь Руской позволитъ нанести ему за это малѣйшій вредъ? У насъ искони водится не принуждать удалыхъ борцовъ сказывать о своемъ имени, и я совѣтую тебѣ, какъ другъ, не употреблять во зло званія, которымъ почтилъ тебя

Великій Ханъ и не истощитъ нашего терпѣнія. Оставьте по старому обычаю на свободѣ этаго молодца и пойдемъ во дворецъ мой, тамъ мы выпьемъ за здоровье Великаго Хана и храбрыхъ всей земли.

Амрагамъ.

Пойдемъ, Татары любятъ храбрыхъ и потому-то я люблю тебя, Великій Князь.

Ярославъ.

Такъ дай же мнѣ свою руку, пойдемъ, а завтра повеселимся соколами.

(*Даетъ ему руку и уходятъ*).

Банши, *остановясь съ нѣкоторыми Татарами.*

Что хочешь говори Князь и Баскакъ, а мы его съарканимъ, хоть онъ спрячься на дно Волги.

Чевгу.

Пойдемъ за нимъ въ надзоръ и онъ не увернется.

Банши.

Не дадимъ Рускому хвастать, что онъ сшибъ Богатыря Татарскаго.

Чевгу.

Не дадимъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Евпраксія, Наташа и **Дѣвушки** *подруги Ксеніи.*

При поднятіи занавѣсы, слышны вдали пѣсни свадебныя.

Евпраксія, *выходя.*

А! на силу идутъ подруги, заплести косу невѣстѣ и проститься съ нею.

Наташа, *вздыхая.*

Да, проститься.

(Дѣвушки съ пѣснями выходятъ на Театръ).

Евпраксія.

Добро пожаловать, красныя дѣвицы, наша обрученная Княжна ожидаетъ васъ въ терему своемъ — придите бѣлыя лебедушки, заплетите ей въ послѣдній разъ дѣвичью косу, обнимите вашу подружиньку, отпустите ее съ честью подъ златой вѣнецъ.... Прошу пожаловать, входите, входите красныя дѣвицы, а ты Наташинька,

какъ вернется отецъ, скажи ему, что бы онъ велѣлъ еще досокъ накидать на мостки для нашей невѣсты.

НАТАША.

Хорошо матушка.

(Евпраксія уходитъ съ дѣвицами въ домъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

НАТАША *потомъ* ЧЕШКО.

НАТАША.

Ахъ! что-то будетъ.... А сердце не вѣщуетъ добра.... Нынче ей еще что-то ужасное снилось.... Ахъ! кабы пришелъ хоть мой Чешко, то бы съ нимъ посовѣтолась.... Да нѣтъ, онъ вѣрно поѣдетъ съ Великимъ Княземъ на охоту: хоть и обѣщалъ отпроситься.... Что тамъ мелькнуло, не онъ ли? Ахъ! это кажется Татары.... Ужъ не сюда ли?... Я только увижу ихъ хоть изъ дали, то всѣ жилки забьются.... Проскакали мимо,—слава Богу.... а его все не видать...., Семъ съ горя спою любимую мою пѣсенку, все какъ будто легче станетъ, какъ за поешь.

*

Пѣсня.

Ахъ! всходи ты солнце красное,
Освѣти ты намъ веселый день,
Прогони ты утро ясное
Съ неба синяго ночную тѣнь.
Сердце вѣщее разыгралося,
Иль придетъ ко мнѣ мой сердечный другъ?
Какъ вчера я съ нимъ прощалася;
Знаетъ вечеръ и зеленый лугъ.

*

Ты примчись ко мнѣ лодкой легкою,
Пронесися удалымъ конемъ;
Прикотися быстрой тройкою,
Иль привейся летучимъ крыломъ.
Ты утѣшь меня горемычную,
Соколъ ясный — другъ сердечный мой:
Къ грусти, къ горю не привычную,
Не томи же ты жданья тоской.

Чешко.

Не истомлю, Наташинька, вотъ я и здѣсь.

Наташа.

Ахъ! Да какъ ты это подкрался.... Я тебя ждала оттуда....

Чешко.

А я прискакалъ отсюда и вотъ какъ:— я выѣхалъ съ Великимъ Княземъ на охоту.... Князь былъ очень задумчивъ.... Я, чтобъ развеселить его, замурныкалъ пѣсню, да не-

знаю самъ отъ чего такую заунывную, что Князь изволилъ сказать мнѣ: полно выть, мнѣ и безъ тебя грустно. А! да ты грустишь по своей невѣстѣ, у нихъ сего дня свадьба. Да, Государь, Великій Князь, есть тотъ грѣхъ.... Подай сокола и поѣзжай на свадьбу.... Я не люблю, чтобъ кому нибудь было грустно при мнѣ.... Но я.... Поѣзжай.... Я поѣхалъ и пріѣхалъ сюда. Вѣдь надобножъ кому нибудь быть и съ невѣстиной стороны.

Наташа.

А я тебя ни весь какъ ждала.

Чешко.

Спасибо, моя милая... Да на что больше я тебѣ понадобился?

Наташа.

Охъ! кабы ты зналъ, какъ у меня изныло сердце, глядя на Ксенію.

Чешко.

Да не ужъ ли ей не милъ нашъ молодецъ? А кабы ты видѣла, какъ онъ отхваталъ вчера Татарскаго Богатыря — да и я....

Наташа.

Ты ужъ объ этомъ сказывалъ и подарилъ мнѣ поясъ, что вчера выхрабровалъ.

Чешко.

Смотри пожалуй, я и забылъ, что ты знаешь.... Да это отъ того, что я объ этомъ столькимъ разсказывалъ, что и не припомню всѣхъ, кому говорилъ; — ну да разскажика ты мнѣ, что дѣлалось у васъ.?

Наташа.

А то, что я нынче всю ночиньку не спала, такъ меня напугала наша горемычная невѣста.

Чешко.

А чѣмъ?

Наташа.

Она бѣдная весь вечеръ была какъ убитая, а пуще послѣ твоего разсказа о Посадникѣ и о Юрьевомъ дѣлѣ.

Чешко.

Да что ей до Посадника и до Юрья.

Наташа.

Да ужъ, что бы ни было, только ее это окручинило; а ночью, какъ мы легли спать, она все стонала—и кажется только заснула, какъ видно ей стало сниться; что-то страшное; — она привстала на постели, протянула руку, проговорила что-то не внятно.... Потомъ начала подыматься, подыматься, — да долой съ кровати.... и пошла.... Какъ вдругъ вся затрепетала.... Я вскочила, подхватила ее подъ руки — и по-

ложила опять.... Она взглянула на меня—но какъ будто не узнала.... Закрыла глаза, зарыдала и уткнулась въ подушку....

Чешко.

Да что жъ ты ее не спросила?

Наташа.

Будить ее было мнѣ жалко, — а тамъ пришла матушка, стала торопить одѣваться къ свадьбѣ, такъ мнѣ и не удалось.... А! да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Порфирій.

Наташа.

Ну, что батюшка, дѣлается тамъ?

Порфирій.

Все какъ водится; женихъ съ поѣздомъ, съ Боярами и дружками уже пріѣхалъ на погостъ и дожидается невѣсты, что бы къ вѣнцу итти.

Чешко.

Видно ему не спалось ночь, что онъ такъ рано прикатилъ.

Порфирій.

Да онъ такъ любитъ нашу Ксеньюшку, что право всѣмъ на диво — а у васъ все ли готово?

Наташа.

Нѣтъ еще, подруги только что пришли выряжать невѣсту, да матушка велѣла тебѣ напомнить о мосткахъ.

Порфирій.

Нѣчего напоминать, смотри какъ ихъ наши православные настилаютъ, мигомъ поспѣютъ.... Я ихъ велѣлъ по бокамъ и рябинками обтыкать.... Да пойти поторопить старуху, а то не хорошо, что женихъ долго будетъ дожидаться.

Чешко.

Ты объ одномъ женихѣ думаешь, а на другова и не взглянешь.

Порфирій.

Захлопотался.... Сего дня для одного, а послѣ завтра буду хлопотать за другова.... Да вѣдь ты нынче у насъ дружкой.

Чешко.

У васъ.

Порфирій.

Такъ приходижъ, какъ невѣста будетъ снаряжена.

(*Входитъ въ домъ*).

Чешко.

Приду. (*Наташѣ*). Куда же ты?

Наташа.

Какъ же: мнѣ тамъ надо быть.

Чешко.

Постой на минутку и доскажи мнѣ....

Наташа.

Ахъ!

Чешко.

Что такое?

Наташа.

Вотъ лодка.

Чешко.

Ну такъ чтожъ, что лодка?

Наташа.

Да въ ней тотъ....

Чешко.

Кто?

Наташа.

Вчерашній страшный прохожій, про котораго ты говорилъ, что на Княжомъ дворѣ.... Онъ выходитъ на берегъ.... Я его такъ боюсь.... Что ни за что не останусь.

Чешко.

Постой, чего тебѣ бояться со мной, развѣ ты не слыхала какъ я шлепнулъ....

Наташа.

Слышала, только ни за что не останусь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чешко и Юрій.

Юрій, *въ слѣдъ Наташѣ.*

Послушай, красная дѣвица.

(Наташа уходитъ).

Чешко.

За чѣмъ чортъ принесъ этаго пуголу? Не во время гость хуже Татарина.

Юрій.

А! ты здѣсь, Сокольничій?

Чешко.

Здѣсь, и не ждалъ тебя.

Юрій.

Я часто бываю тамъ, гдѣ не ждутъ меня.

Чешко.

Да, только не всегда въ попадъ.... Вотъ вчера, правду сказать удружилъ: поспѣлъ какъ тутъ къ раздѣлкѣ и славно все кончилъ.

Юрій.

Не все еще.

Чешко.

Да чегожъ еще тебѣ надо?

Юрій.

Это мы увидимъ.

Чешко.

Увидимъ. — Что же мы увидимъ?

Юрій.

То, что увидимъ.

Чешко.

Послушай-ка загадошникъ, берегись, чтобъ тебя самаго Татары прежде не увидѣли, а вчера они крѣпко на тебя озлились и разспрашивали Якушу оружейника, не изъ Великокняжеской ли оружейной ты бралъ доспѣхъ? — онъ съ глупа имъ все разсказалъ, а они по примѣтамъ бросились слѣдить тебя.

Юрій.

Знаю.

Чешко.

А если ты знаешь, то за чѣмъ же показываешься среди бѣла дня.

Юрій.

За тѣмъ, что днемъ виднѣе.

Чешко.

Такъ они тебя увидятъ.

Юрій.

И я увижу кого мнѣ надо.

Чешко.

Да кого же тебѣ надо?

Юрій.

Не тебя.

Чешко.

И слава Богу, что не меня.

(Слышны въ дому свадебныя пѣсни.)

Юрій, *въ большомъ волненіи.*

Что это?

Чешко.

Свадебныя пѣсни.

Юрій.

Такъ изъ этаго дома выдаютъ за мужъ?

Чешко.

Какой догадливой.

Юрій.

Но кого?

Чешко.

Дѣвушку.

Юрій.

Какую?

Чешко.

Молодую.

Юрій.

Говори мнѣ сей часъ, кого выдаютъ? — Кто эта дѣвушка?

Чешко.

Кого бы не выдавали, а тебѣ какое дѣло?

Юрій.

Не спрашивай, а отвѣчай, кого выдаютъ за мужъ?

Чешко, *оробѣвъ.*

Ну, дочь хозяйскую.

Юрій.

Которую?

Чешко.

Ксенію.

Юрій.

Ксенію.... Ксенію.... За кого?... Будешь ли ты отвѣчать?

Чешко.

И хотѣлъ бы не отвѣчать, да не могу удержаться, за нашего Княжаго отрока....

Юрій.

За котораго?

Чешко.

За Вассіана Ратиборовича.

Юрій.

За Ратиборыча.... Точно ли ты въ этомъ увѣренъ?

Чешко.

Да.

Юрій.

Сынъ Ратиборовъ женится на Ксеніи....

Чешко.

На Ксеніи, дочери Порфирія.

Юрій.

Нѣтъ.... Нѣтъ!...

Чешко.

Да какъ же мнѣ не знать, я самъ женюсь на другой сестрѣ.

Юрій, *въ сторону.*

Нѣтъ, я знаю гордость Ратиборова рода;—онъ бы не женился, еслибъ она была дочь....

Чешко.

Что ты говоришь?

Юрій.

Свадьбы не бывать....

Чешко.

Какъ не бывать?

Юрій.

Скорѣй Волховъ потечетъ назадъ, чѣмъ Ратиборычь женится на ней.

Чешко.

Да они ужъ обручены.

Юрій.

Онъ обручился съ смертію....

Чешко.

Съ смертью!...

Юрій.

Гдѣ должны они вѣнчаться?

Чешко.

Вотъ тамъ на погостѣ.

Юрій.

На погостѣ.... Такъ, на погостѣ должна быть эта свадьба.... Тамъ надѣнетъ онъ не золотъ вѣнецъ.... Тамъ ляжетъ въ кровать дубовую и покроетъ его гробова доска... Иди, скажи Порфирію, что я хочу съ нимъ говорить.

Чешко.

Ты? да кто ты?

Юрій.

Скажи ему, что съ нимъ хочетъ говорить, тотъ, съ кѣмъ онъ видѣлся въ послѣдній разъ въ Торжкѣ подлѣ большаго кладбища — въ полночь на родительскую субботу.

Чешко.

Въ полночь.... На родит.... Ахъ! это.... Точно....

Юрій.

Что ты нейдешь?

Чешко, *въ сторону.*

У меня ноги подкосило.... Да уйти за добра ума.... Только я ни слова не скажу, чтобъ ихъ не всполошить.

ЯВЛЕНІЕ V.

Юрій, *одинъ.*

Сынъ Ратиборовъ женится на моей дочери... Кровь моя смѣшается.... Пусть кровь моя прольется до послѣдней капли, пусть изсякнетъ на бѣломъ свѣтѣ.... Нѣтъ.... Моя Ксенія не согласилась бы.... Не измѣнила бы отцу своему... Нѣтъ.... Это не она!... Однѣ имена, обстоятельства, примѣты, могутъ обмануть; такъ, все можетъ обмануть—но не сердце отцовское.... Скажи мнѣ, ретивое, отъ чего ты замираешь? Отъ чего трепещешь? Отъ чего вошелъ въ тебя страхъ, котораго ты не знавало, ни въ бою, ни подъ ножами убійцъ?... Трепетало ли ты, какъ Нѣмцы ворвались въ стѣны твердыя, замирало ли ты, какъ мои товарищи бросили меня за мертво въ Пермской землѣ? Нѣтъ, ты тогда только измѣнило моей твердости, какъ не стало сына милаго, какъ не стало моей радости.... Но злодѣи не отымутъ у меня моей дочери.... Ярославъ не наругается надъ сиротою - отцомъ; не бывать ей за Ратиборычемъ.... Не погибла еще моя сила крѣпкая, измѣнили мнѣ друзья и товарищи; но не измѣнитъ рука мѣткая: отмститъ за дѣтей моихъ и за честь мою.... Но кому? Все равно, кого улучитъ мечь мой, кого пошлетъ смертельной рокъ, тотъ и заплатитъ

ний.... Идутъ...; Притаюсь, чтобъ увѣриться въ моемъ недоумѣніи....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Юрій *становится за уголъ дома*, Порфирій, Евпраксія, Ксенія *въ покрывалѣ*, Наташа, Чешко, *подруги и дружки.*

Евпраксія, *сводя Ксенію съ крыльца.*

Постойте, красныя дѣвицы, дайте намъ еще проститься съ нашей радостью.... (*Обнимаетъ Ксенію*).

Порфирій.

Будь надъ тобою благословеніе отца и матери.

Чешко.

Ей! ей!... Соколъ летитъ и прямо сюда.

Всѣ.

Соколъ!...

Ксенія, *съ трепетомъ.*

Соколъ!

Евпраксія.

На встрѣчу.... или по пути?

Чешко.

На встрѣчу.

ЕВПРАКСІЯ.

Хорошая примѣта: соколъ Княжеская птица, а Княжее все къ радости....

ЧЕШКО.

Да чуть ли соколъ не Княжей; постой, я его приманю.

(Убѣгаетъ за соколомъ).

ЕВПРАКСІЯ.

Ну, идите же съ Богомъ.

ПОРФИРІЙ.

Ахъ! Кто-то скачетъ на бѣломъ конѣ!

КСЕНІЯ, *вся трепеща.*

На бѣломъ конѣ!

(Почти не можетъ итти).

ЕВПРАКСІЯ.

Ахъ! не останавливайтесь въ свадебномъ ходу; — старики говорятъ, что это не годится.... Ты вся дрожишь, какъ листочикъ.... Ободрись, Богъ съ тобой, иди....

КСЕНІЯ, *Наташѣ.*

Дай мнѣ руку.

НАТАША.

Всадникъ соскочилъ и бѣжитъ по мосткамъ.

ЕВПРАКСІЯ.

Не болтай и поддержи ее.... Ну, съ Богомъ.

Юрій.

Голосъ ея....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Ярославъ, *выходитъ быстро и останавливается, увидя Ксенію.*

Ксенія, *идя очень медленно, вдругъ увидя Ярослава.*

Вотъ онъ.... Вотъ онъ.... Вотъ мой суж....

(Упадаетъ въ руки дѣвушкамъ, отбрасывая покрывало).

Ярославъ.

Боже! это она!...

Юрій.

Это она!

Евпраксія.

Ахъ! батюшки свѣты! Она безъ памяти.

Наташа.

Помогите, помогите ей. —

Ярославъ.

Ея черты.... Она блѣдна.... Она умерла.

Юрій.

Умерла!...

Евпраксія.

Нѣтъ, нѣтъ, ее ошибъ обморокъ.

Наташа.

Сердце бьется—слава Богу! она жива...

Юрій.

Жива? Хорошо.

(Прячется за домъ).

Евпраксія.

Да бояться нѣчего, съ ней это не въ первый разъ случается.... Надо только отнести въ домъ, да положить въ передній уголъ.... Мужъ, бѣги, скажи Вассіану Рапиборовичу, и всѣму поѣзду, что нынѣшній день Богъ ее не допускаетъ до вѣнца.... Свадьбы сего дня не будетъ...

Порфирій, *уходя.*

Бѣгу.

Юрій.

Свадьбы не будетъ.... Довольно.

(Прячется за домъ).

Ярославъ, *въ изумленіи.*

Такъ это невѣста Вассіана!... Боже! Что со мною дѣлается.

Евпраксія.

Внесите ее по легоньку, да закройте скорѣй покрываломъ....

Чешко, *вбѣгая.*

Соколъ улетѣлъ.... Что сдѣлалось! Ахъ! Бѣдная, да какъ?... А! ее вѣрно заколдовали;

я и колдуна видѣлъ, шакъ шочно, онъ былъ шушъ, да куда дѣвался. (*Оглядываясь кругомъ и увидя Великаго Князя*). Ахъ!... Госуд....

(*Ярославъ даетъ знакъ, чтобъ онъ молчалъ, между тѣмъ, всѣ занимаются Ксеніею, которую вносятъ въ домъ; Чешко закрываетъ себѣ ротъ и глядитъ съ изумленіемъ, то на Ярослава, то на Ксенію*).

Ярославъ, *когда всѣ уходятъ.*

Эта Вассіанова невѣста!

Чешко.

Да, Государь, а другая моя.

Ярославъ.

Бѣги, войди въ домъ, узнай, что съ нею дѣлаешся, не смѣй говоришь обо мнѣ....

Чешко.

Не смѣю....

(*Уходитъ въ домъ*).

Ярославъ.

Какая нѐ постижимая сила привлекла меня сюда.... Я боялся потерять сокола моего, которой какъ будто заманивалъ меня.... Кого я видѣлъ? Это она.... Ее я встрѣтилъ у переправы.... Ее передъ побѣдою видѣлъ во снѣ, принесшую мнѣ золотую вѣтвь.... Она часто мнѣ снилася, ни

на часъ не выходила изъ моей памяти, изъ моего сердца.... Такъ, такъ.... Я ее суженой.... Такъ, судьба ее мнѣ опредѣлила, — привела меня сюда и въ какое время.... Но она невѣста моего любимца.... Онъ влюбленъ въ нее.... Онъ умираетъ по ней.... И неужели я....

(Задумывается).

Юрій.

Нѣтъ! Сердце не терпитъ, что бы не провѣдать о моей.... Кто это?... Глаза мои меня не обманываютъ, — это....

Ярославъ, *задумавшись*.

Великому ли Князю должно отнимать невѣсту у своего подданнаго.... Но если она его не любитъ?... Если по неволѣ....

Юрій.

Это онъ.... Одинъ, и такъ близко отъ меня....

Ярославъ.

Боже! вразуми меня, просвѣти мой умъ, правь душею моею.... Ты не допускалъ меня до сей поры ни до какой не справедливости, ни кто невинно не погибъ отъ рукъ моихъ, никогда языкъ мой не произносилъ самовольно смертнаго приговора.

Юрій.

Никогда!... А сынъ мой?... Кровь за кровь.... Но онъ молится.... Онъ православный

Князь.... Все.... Нѣтъ, рука моя меня не слушается... Богъ не допускаетъ... Кто-то идетъ.

(*Скрывается*).

Чешко, *выбѣгая*.

Ей лучше, Госу....

Ярославъ.

Лучше! Слава Богу!... Но чтожъ съ нею дѣлается?

Чешко.

Когда ее положили, какъ водится и закрыли покрываломъ, она вдругъ его сбросила, окинула всѣхъ смутными глазами, сказала слабымъ голосомъ: гдѣ онъ?.... Гдѣ онъ, гдѣ мой суженой?...

Ярославъ.

Ея суженой.

Чешко.

Да, она спрашивала о Вассіанѣ Ратиборовичѣ....

Ярославъ.

Продолжай.

Чешко.

Ее начали разговаривать, сказали, что онъ скоро придетъ: она все слушала, и кажется ни чего не слыхала.... Заговорила о бѣломъ конѣ, о всадникѣ, о матери, которую звала къ себѣ — и не видала, что она стоитъ передъ нею.

Ярославъ.

О бѣломъ конѣ? Она звала мать свою.

Чешко.

Точно, какъ будто покойницу: хотя Евпраксія, Богъ съ ней, живехонька.... Говорила что-то не внятно о ея тѣни, а похожа ли она на тѣнь.

Ярославъ.

Говорила о ея тѣни.... Такъ, я вспоминаю теперь, что мнѣ видилась тѣнь женщины, которая называла ее дочерью.... Эта тѣнь подводила ее ко мнѣ, благословляла насъ.... Ахъ! тутъ скрывается не постижимая тайна.... Но кто мнѣ откроетъ ее.... Кто просвѣтитъ меня?....

Чешко.

Ай! ай! да и Великій Князь что-то сбиваетъ на Ксенію.... Ужъ не обѣихъ ли ихъ обошелъ этотъ колдунъ....

Ярославъ.

Знаешь ли ты точно, что эта дѣвушка дочь старосты?

Чешко.

Какъ же мнѣ не знать, я женюсь на сестрѣ ея....

Ярославъ.

На сестрѣ ея.... нѣтъ это быть не можетъ....

Чешко.

Да ты самъ Государь мнѣ позволилъ.... А Вассіанъ....

Ярославъ.

Гдѣ онъ?

Чешко.

Ожидаетъ къ вѣнцу своей суженой.

Ярославъ.

Нѣтъ, она не его суженая.... Нѣтъ, судьба ей назначила другую участь.... Такъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь.... Но его отчаяніе, его горесть, убиваютъ меня.

Чешко.

Ну такъ и онъ омороченъ.... Ахъ! какъ мнѣ жаль его.... Государь, Великій Князь, не прикажи казнить, позволь слово вымолвить.

Ярославъ.

Что ты говоришь о казни! Кого казнить и за что?... Развѣ ты сдѣлалъ какое преступленіе? Развѣ ты солгалъ мнѣ?...

Чешко.

Нѣтъ, Государь, Богъ убьетъ меня, если я нарушу присягу мою.... Но позволь себѣ доложить правду....

Ярославъ.

Я это всѣмъ дозволяю, — говори.

Чешко.

Государь, Великій Князь, не прогнѣвайся на слугу своего, а съ тобой сдѣлано не доброе.

Ярославъ.

Какъ? Что такое?

Чешко.

Тебя Государь, также какъ и Ксенію, обошелъ злой человѣкъ.

Ярославъ.

Кто обошелъ? Что за вздоръ ты говоришь?

Чешко.

Да, Государь, я самъ видѣлъ его тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ.

Ярославъ.

Кого?

Чешко.

А того, кто свалилъ Татарскаго Мурзу, да и провалился сквозь землю.

Ярославъ.

Провались ты самъ съ своими глупостями.

Чешко.

Да ужъ мнѣ легче бы было провалиться, чѣмъ видѣть тебя, надежа-Государь, въ такой бѣдѣ; повѣрь вѣрному слугѣ твоему,

что наведенъ на тебя этотъ.... Ахъ! Боже мой! Боже мой!...

Ярославъ.

Что такое? Что съ тобою сдѣлалось?

Чешко.

Вотъ онъ показался тамъ....

Ярославъ.

Кто? гдѣ?

Чешко.

Тамъ.... Да вотъ ужъ изчезъ, какъ дымъ... Онъ кажется пролетѣлъ ворономъ....

Ярославъ.

Если бы я вѣрилъ, что Богъ попускаетъ какъ говорятъ, черной силѣ насъ мучить, то бы подумалъ, что она въ тебя вселилась для моего мученія.... Оставь свои бредни, иди, сыщи скорѣй Вассіана и вели ему явиться ко мнѣ.

Чешко.

Слушаю Государь,... (*Бѣжитъ*). Да я радъ уйти съ этаго обойденнаго мѣста.

Ярославъ.

Но что я стану ему говорить?... Покрайней мѣрѣ я отъ него узнаю, если онъ самъ знаетъ что нибудь....

Чешко, *выбѣгая*.

Вотъ онъ самъ прискакалъ сломя голову и перебѣгаетъ мостки....

Ярославъ.

Хорошо, смотри, чтобъ меня кто не увидѣлъ.... Я не хочу что бы знали, что я здѣсь былъ.

Чешко.

Но, Государь, гдѣжъ твои охотники и Татары?

Ярославъ.

Они всѣ разскакались за добычами; я самъ отскакалъ отъ нихъ за моимъ соколомъ, и какъ мой конь быстрѣе всѣхъ, то они меня вѣрно потеряли изъ вида за лѣсомъ — если кто изъ нихъ покажется, скажи, что я уѣхалъ въ Тверь и приходи ко мнѣ въ мой охотничей домъ, я тамъ тебя стану дожидаться.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ярославъ, Вассіанъ и Юрій *показывается по временамъ.*

Ярославъ, *останавливая Вассіана.*

Постой.

Вассіанъ.

Какъ! Государь!

Ярославъ.

Не называй меня, и отвѣчай мнѣ правду.

Вассіанъ.

А развѣ я говорилъ когда не правду, не только тебѣ, но кому бы не было?

Ярославъ.

Я это знаю, чистая душа твоя, твоя вѣра и вѣрность, заслужили мою любовь.

Вассіанъ.

И я благодарю за нее Бога и Государя моего, имъ принадлежатъ душа и жизнь моя.

Ярославъ.

Но ты забываешь, что ты дѣлишь ихъ между ими и твоею....

Вассіанъ.

Моею невѣстою.... Такъ я люблю ее больше моей жизни — которую радъ отдать за тебя.

Ярославъ.

Я увѣренъ, что ты отдашь за меня все, но если бы дошло дѣло до невѣсты, что бы ты сказалъ тогда?

Вассіанъ.

Я не ожидалъ этаго вопроса, и признаюсь, не могу ни чего отвѣчать,... Такъ, я не испытывалъ еще моего сердца и не знаю, на что бы оно меня навело; но ты видѣлъ, что я умиралъ съ тоски, и не преступилъ твоего слова; когда же оно дано, то я въ немъ увѣренъ, какъ въ законѣ Господнемъ.

Ярославъ.

Такъ, слово мое твердо; ни что не перемѣнитъ его, я сказалъ, будетъ и быть должно.... Такъ, я позволилъ тебѣ жениться на дочери Порфирія.... Но Ксенія его ли дочь?

Вассіанъ.

Его.

Ярославъ.

И ты въ этомъ увѣренъ?

Вассіанъ.

Да, всѣ въ этомъ увѣрены.

Ярославъ.

Я говорю не обо всѣхъ, а о тебѣ.... Скажи мнѣ откровенно не подозрѣваешь ли ты что она....

Вассіанъ.

Ахъ! твои слова и нѣкоторыя обстоятельства, которыя теперь какъ сквозь дымъ проясниваются передо мною, заставляютъ меня думать.

Ярославъ.

Что такое? говори все, что ты знаешь, что думаешь?...

Вассіанъ.

Государь! позволь мнѣ собраться съ мыслями.

Ярославъ.

Не слыхалъ ли ты отъ нее чего нибудь двухмысленнаго, не примѣтилъ ли ты въ ней отличнаго противъ подругъ ея.... Ахъ! ты вѣрно видѣлъ, что она не похожа на другихъ, что она....

Вассіанъ.

Такъ точно! ея слова, ея чувства, ея умъ гораздо выше обыкновеннаго.... И когда сравниваю ее съ сестрою ея, со всѣми другими, то вижу, что она не то, что онѣ.... Если бы ты ее зналъ, если бы ты слышалъ, какъ она говоритъ, — какую силу даетъ голосъ, глаза ея, всѣмъ ея словамъ, какъ высоко понятія ея, какъ живо она чувствуетъ, когда я ей разсказывалъ про славные подвиги наши, лице ея оживлялось огненнымъ румянцемъ, взгляды пламенѣли, грудь подымалася, и, глядя на нее, я чувствовалъ въ себѣ такую бодрость, которая бы понесла меня на всю силу вражію.... Когдажъ я разсказывалъ о тебѣ, о милостяхъ твоихъ ко мнѣ и ко всѣмъ твоимъ ратнымъ дѣтямъ, она опускала глаза, слезы блистали сквозь черныя ресницы, вздохи вырывались изъ бѣлой груди — и она еще заставляла меня болѣе любить тебя.... Однажды, я это очень помню, я говорилъ ей про любовь нашу къ тебѣ, Государю нашему, блеклыя уста ея разцвѣли улыбкой, и она въ первый разъ взглянула на меня ласково и сказала:

какъ я люблю всѣхъ, кто любитъ Великаго Князя.... И потомъ покраснѣла — и замолчала.... Но этотъ ласковый взглядъ ни когда не выходилъ изъ моихъ мыслей; онъ зажегъ мое сердце....

Ярославъ, *вздохнувъ.*

И не уже ли это только одинъ ласковый взглядъ....

Вассіанъ.

Да, одинъ, но если бы ты видѣлъ его, то бы ты самъ почувствовалъ.

Ярославъ.

Ахъ! я чувствую.... Но послѣ того ни когда....

Вассіанъ.

Ахъ! никогда.... Но мать ея увѣряла меня, что она меня любитъ и что когда я говорилъ ей о бракѣ нашемъ, дѣвичья стыдливость опускала ея глаза.... Она услыша въ первый разъ слова моей любви, блѣднѣла.... Эта блѣдность ужасала меня: но она была такъ хороша, такъ умильна, что я рѣшился или умереть безъ нее или жить только съ нею.... Наконецъ она дала слово выйти за меня....

Ярославъ.

Она дала слово.... И вѣрно съ большою радостію.

Вассіанъ.

Не спрашивай меня объ этомъ, мнѣ грустно повторять то, что стѣсняетъ мое

сердце.... Она дала слово, клялась, что выходитъ за меня не изъ корысти и не изъ послушанія къ родителямъ, и я женюсь на ней.

Ярославъ.

Ты женишься на ней..... И ты.... увѣренъ въ этомъ....

Вассіанъ.

Что значатъ слова твои!... Мнѣ сказали, что она не много занемогла.... или уже смер....

Ярославъ.

Нѣтъ, нѣтъ — она жива, ей легче.

Вассіанъ.

Ей легче.... Такъ она была.... Ахъ! Государь, позволь мнѣ ее видѣть....

Ярославъ.

Ты ее увидишь.... Да, увидишь.... Но дай ей прежде успокоиться.... Дай придти въ себя....

Вассіанъ.

Придти въ себя.... Развѣ она....

Ярославъ.

Да; она, какъ я слышалъ, отъ чрезвычайнаго страха, еще не можетъ собраться съ мыслями.

Вассіанъ.

Страха?... Боже! она боится быть за

мною; мысль, что я буду ея мужемъ, можетъ быть ее убиваетъ.... Что ты знаешь, Государь — скажи мнѣ ради Бога, рѣши судьбу мою, окончай мое страданіе — вели жить или умереть.

Ярославъ, *въ сторону*.

Нѣтъ, я не буду его убійцею.

Вассіанъ.

Ты молчишь, отворачиваешь отъ меня глаза твои.... Ахъ! говори, Государь, сжалься надо мною, не томи меня ужаснымъ ожиданіемъ.

Ярославъ.

Успокойся.... Она будетъ за тобою.... Я этаго.... желаю.... да, желаю.... Будь счастливъ, люби ее.... Такъ, я вижу, что она достойна самой счастливой участи въ свѣтѣ.... Она прекрасна.... Она рождена, все прельщать.... Увидя ее.... нельзя.... не.... удивляться.....

Вассіанъ.

Ты ее видѣлъ?... Когда? гдѣ?

Ярославъ.

Да, я ее видѣлъ — сей часъ здѣсь.... на этомъ мѣстѣ....

Вассіанъ.

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ?... Такъ она была здѣсь? Такъ она здѣсь и при тебѣ лишалась чувствъ?

Ярославъ.

Да... здѣсь....

Вассіанъ.

Но отъ чего?

Ярославъ.

Не спрашивай меня, я ни чего не могу тебѣ сказать, кромѣ того, что я видѣлъ ее здѣсь блѣдную, упавшую въ руки своей матери.... Ея глаза были закрыты, щеки блѣдны, уста поблекли.... Ахъ! какъ она была.... жалка.... Ей лучше,—ты ее увидишь.... Она сама скажетъ тебѣ, — но если она.... не погуби ее.... Иди.... иди къ ней.... Прощай.

Вассіанъ.

Позволь.

Ярославъ.

Останься.

Вассіанъ.

Но ты идешь и Татары могутъ....

Ярославъ.

Останься, — я тебѣ приказываю. (*Отходя*). Боже! что я видѣлъ и слышалъ.... Нѣтъ, я не возвращусь въ Тверь, покуда не узнаю.

Юрій, *который слышалъ разговоръ*.

Я догадываюсь — мщеніе мое готово — они сами совершатъ его.

*

Вассіанъ.

Великій Князь внѣ себя.... Она здѣсь лишилась чувствъ.... Онъ ее видѣлъ.... Ярославъ скрываетъ какую-то тайну.... Въ ней я замѣчаю давно такое уныніе, такую грусть, которая часто ледѣнила всю кровь мою.... Она не дочь Порфирія.... Но кто же она? За чѣмъ скрываетъ отъ меня свой родъ? Ахъ! кто мнѣ это все растолкуетъ?

Юрій, *подходя.*

Я.... но не теперь.

Вассіанъ, *оглядываясь.*

Кто ты?

Юрій.

Я тотъ, кого ты не знаешь; но кто знаетъ то, что тебя ожидаетъ?

Вассіанъ.

Ахъ! говори, кто бы ты ни былъ, что ты знаешь? Что меня ожидаетъ?

Юрій.

Я знаю, что твоя невѣста не можетъ любить тебя, и что тебя ожидаетъ горесть и отчаяніе, которыя воскресятъ сердце умершее для всѣхъ радостей.

Вассіанъ.

Слова твои, твой видъ, приводятъ меня въ невольный трепетъ.... Говори, если ты человѣкъ, изъ жалости.... а если не человѣкъ, то изъ адской злобы: не любитъ

ли кого Ксенія? Кто обольстилъ ее? Кого долженъ я ненавидѣть? Кто заплатитъ мнѣ за мое горе и отчаяніе, всею кровью своею?

Юрій.

Ненавидь того, кого ты любишь больше всѣхъ.... И пролей всю кровь того, за кого ты радъ отдать жизнь свою.

Вассіанъ.

Какъ! не ужли Великій Князь?....

Юрій.

Ты его назвалъ.... Ты не будешь владѣть Ксеніею.... Черное покрывало, или дубовый гробъ: вотъ что твой Князь тебѣ готовитъ; — завтра ты больше узнаешь.

Вассіанъ.

Постой злое созданіе, — эти слова не пройдутъ тебѣ даромъ.... И еслибъ ты не былъ безоруженъ....

Юрій.

Ты ошибаешься—вотъ мое оружіе, оно меня никогда не оставляетъ.... Сражайся, я жажду крови Ратиборовой — умри или убей однимъ ударомъ и меня и Ксенію....

Вассіанъ, *который ужъ выхватилъ мечь.*

И Ксенію?...

Юрій.

Да.... Идутъ.... Теперь не время, намъ помѣшаютъ.... Довольно для тебя того, что ты сего дня узналъ,—а ужо въ полночь, если хочешь шамъ на берегу Волги, на этомъ холмѣ, ты больше узнаешь,—прощай

(*Уходитъ*).

Вассіанъ.

Боже! съ кѣмъ я говорилъ?... Вся кровь моя хладѣетъ;—такъ! если Великій Князь.... Нѣтъ никогда и мыслью моею я не оскорблю его.... Но не ужли призракъ — черное покрывало и дубовый гробъ.... Ихъ я вижу, они мнѣ уготованы.

Порфирій, *выходя*.

Ну, какъ ты быстро ускакалъ.... Я не успѣлъ еще тебѣ досказать, а ты улетѣлъ какъ стрѣла.... Весь поѣздъ отпустилъ я назадъ съ честью и извиненіемъ; да что же ты не пожалуешь въ домъ? ужъ чай все прошло.... Женское дѣло слабое, что мало мальски, то и бѣда, да скоро и проходитъ.... Думать нѣчего, сего дня Богъ не привелъ, такъ послѣ завтра....

Вассіанъ.

Послѣ завтра.... Ахъ! но войдемъ, я можетъ быть узнаю отъ нее.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Театръ представляетъ прежнее мѣсто — ночь, — луна предъ утромъ опускается и въ третьемъ явленіи начинаетъ разсвѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юрій, *одинъ.*

Топота конскаго не слышно — они проскакали въ ту сторону.... Ратиборычь не смѣлъ ко мнѣ показаться,—ночь на исходѣ— если Порфирію отдали мою записку, онъ долженъ скоро сюда выйти.... Я хочу прежде, чемъ меня схватятъ, узнать о моей дочери, дать ей послѣдній завѣтъ и благословеніе.... И тогда.... пусть берутъ меня злодѣи мои, мнѣ нѣгдѣ отъ нихъ укрыться.... Вотъ до чего ты дожилъ старый Юрій, прежній страхъ добрыхъ Рыцарей, что нѣтъ въ Руской землѣ болотной кочки, на которую бы ты могъ приклонить изрубленную голову.... Казнь, проклятіе и мщеніе вездѣ за тобою, какъ тѣнь твоя.—Подъ какою грозною планетою увидѣлъ я бѣлый свѣтъ, въ какую черную годину зародила меня мать моя на смерть свою, чья тяжелая рука налегла на меня съ самаго моего рожденія?... Отецъ мой встрѣтилъ меня воплемъ горест-

нымъ, — не взлюбилъ сына за погибель матери; брань, упреки и наказаніе были утѣхою моего дѣтства; крамолы, подъиски и клеветы заложили мнѣ путь къ возвышенію; грудь моя окаменѣла ко всѣмъ радостямъ.... Затрубила труба военная, зазвенѣла сбруя ратная, заржали кони богатырскіе, пробудилось мое мужество, я почуялъ въ себѣ силу крѣпкую, ухватилъ копье тяжелое, и Великій Князь Александръ Ярославовичь на берегу Невы назвалъ меня добрымъ воиномъ, посадилъ меня Тысяцкимъ.... Богъ мнѣ далъ жену милую, друга неизмѣннаго, наградилъ меня сыномъ-радостью. Вспоминая, какъ горько жить не любимымъ дѣтищемъ, я положилъ душу мою въ моемъ Димитріи.... Но несчастье отъ меня только отвернулося, и увидѣлъ я его лицомъ къ лицу, — загубили моего юношу, закипѣло сердце отцовское, привились къ нему змѣи шипучія: горе, ненависть и мщеніе; я не слушался жены своей, не хотѣлъ видѣть дочери, зарыкалъ на Вѣчѣ разъяренным львомъ, поднялъ вихорь на Посадника, возмутилъ Волховъ бурею и былъ изгнанъ изъ отечества.... какъ крамольникъ, какъ злодѣй его, — и теперь въ бѣдномъ рубищѣ, безъ пріюта, безъ пристанища, я не смѣю видѣть моей дочери и назвать себя отцомъ ея....

ЯВЛЁНІЕ II.

Юрій и Порфирій.

Порфирій.

Звѣзда утреняя показалася.... Незнакомой долженъ притти.... Вотъ онъ кажется.

(*Подходитъ къ Юрію*).

Юрій.

Кто-то идетъ.... Ты ли это Порфирій, пришелъ по письму моему увидѣться съ скитальцемъ, всѣми брошенным....

Порфирій.

Чей голосъ! Боже!

Юрій.

Узнаешь ли ты того, старый другъ, прежній ратный братъ, кого видалъ въ славѣ и знатности, а теперь видишь въ рубищѣ.

Порфирій.

Ахъ! Государь Юрій Михайловичь! неужели ты живъ еще? и пришелъ къ своему слугѣ вѣрному.

(*Бросается предъ нимъ на колѣни*).

Юрій.

Да, я пришелъ къ тебѣ не для радости, я принесъ съ собою въ сумѣ нищаго: тоску, горесть и отчаяніе!

Порфирій.

Съ чѣмъ бы ты ни пришелъ, но домъ мой открытъ тебѣ, войди въ него, мой милостливецъ.

Юрій.

Нѣтъ, я не хочу ввести въ него моихъ товарищей: срама, бѣдъ и гоненія; — я пришелъ только узнать о моей дочери; — что съ нею дѣлается послѣ давишняго? Сохранилась ли еще жизнь ея.

Порфирій.

Жизнь ея сохранилась, но....

Юрій.

Что такое? говори, меня не испугаешь никакою бѣдою; я съ ними давно побратался.

Порфирій.

Ахъ! Ксенія Юрьевна, хоть слава Богу и почти здорова, да ее обошелъ не добрый человѣкъ, и разумъ ея помутился, — она ни кого не узнаетъ, кромѣ моей Палашиньки, говоритъ такъ не внятно о чемъ-то, чего мы и не слыхали, зоветъ свою матушку и какъ будто съ нею бѣсѣдуетъ.

Юрій.

Какъ! она въ сумасшествіи!

Порфирій.

Не то что въ сумасшествіи, а точно не въ себѣ: ужъ на силу мы ее уложили и она легла не раздѣваючись, въ подвѣнчальныхъ

бѣлыхъ ферезяхъ.... Старуха сказывала мнѣ, что она заснула и всѣ вышли изъ ея комнаты, что бы какъ не разбудить ее.

Юрій.

Она спитъ. — Спи покойно, милое дитя; но лучше бы было, еслибъ ты никогда не пробуждалась или не родилась въ свѣтъ.

Порфирій.

Не грѣши отецъ нашъ, не ропщи на Божью благодать;—Онъ ее тебѣ далъ, Онъ и сохранитъ ее для твоего счастія, для твоей радости.

Юрій.

Убито мое счастіе, моя радость.... Но время дорого, за мною гоняются и мнѣ не льзя долго быть съ тобою.

Порфирій.

Но позволь спросить слугѣ вѣрному, ты не успѣлъ мнѣ сказать въ послѣдній разъ, какъ приходилъ въ Торжекъ на прощанье. Или ты на насъ прогнѣвался, что оставилъ нашу хижину, гдѣ укрыли мы тебя отъ гоненія, гдѣ утѣшала тебя твоя Боярыня, гдѣ ласкала тебя дочь милая, гдѣ мы всѣ тебя покоили.

Юрій.

Я не могъ вытерпѣть моего ничтожества.... Ужъ видно не къ миру и спокойствію вложилъ въ меня Богъ душу буйную,

не усыпили вы во мнѣ жажды мщенія; пробудилась бодрость прежняя, я набралъ себѣ товарищей, и простясь съ тобой у кладбища, пустился въ ту же ночь на удальство въ Пермь невѣрную; овладѣлъ страною дальнею, захотѣлъ учредить все къ лучшему, но товарищи мои не терпѣли добраго дѣла, не стали меня слушаться, называли меня крамольникомъ, тутъ я сталъ противъ всѣхъ одинъ, и они положили меня за мертво.

Порфирій.

Да какъ же Богъ спасъ тебя отъ этагó наказанія?

Юрій.

Наказанія?

Порфирій.

Прости Государь, что слово вырвалось, а ужъ точно это было наказаніе, и Господь довелъ тебя до того же, чего ты самъ искалъ; кто изторгаетъ мечь, тотъ и погибнетъ мечемъ. Ты не хотѣлъ послушаться властей поставленныхъ и тебя не послушались люди буйные; — ты мутилъ противъ Посадника, и противъ тебя возмутились твои товарищи. Еще видно Богъ надъ тобою взмиловался, и любя, наказуетъ тебя; не погнѣвись, Государь, на мою простоту, грѣшно бы мнѣ было не сказать тебѣ правды за прежнюю твою хлѣбъ, соль....

Юрій.

Говори, говори.... Мнѣ кажется я слышу слова того честнаго пустынника, котораго Богъ послалъ на меня лежащаго въ крови моей отъ ударовъ моихъ злыхъ товарищей: онъ донесъ меня до своей пустыни, излѣчилъ мои раны, умилилъ было мою душу, отпустилъ съ благословеніемъ къ женѣ и дочери моей и далъ мнѣ на дорогу, чѣмъ я и до сей поры питаюсь.... Давно уже сердце мое такъ не замирало и не билося, какъ увидя золотые верхи Торжовскіе: слезы брызгнули изъ очей моихъ и я летѣлъ стрѣлою пернатою.... но куда? на могилу друга вѣрнаго.... Я упалъ на ней безъ дыханія...., подняла меня ярость буйная, я забылъ увѣщанія старца честнаго, злоба прежняя возродилась съ большею силою: смерть сыновняя воскресилася смертью матери: я хотѣлъ мстить, не зная самъ кому, во всѣхъ видѣлъ убійцъ моего Димитрія; — я не зналъ, осталась ли у меня дочь или нѣтъ; сталъ распрашивать и развѣдывать и молва довела меня сюда... Я нашелъ дочь мою, обрученную за Ратиборыча.... Не стерпѣлъ обиды имени Рускому, заступился за враговъ моихъ, положилъ злаго Татарина и нажилъ себѣ новыхъ гонителей?

Порфирій

Такъ это ты на Княжомъ дворѣ?... Да кому же и быть другому? — Ахъ! старая

голова, какъ же ты не догодалася.... Но ты сказалъ, что нажилъ новыхъ гонителей.

Юрій.

Да, Татары, озлобясь на меня за то, что я не далъ хвастать ихъ первому Богатырю, какъ волки жадные рыщутъ за мною.... Я дожидаясь тамъ на холму Ратиборыча, услышалъ конской топотъ, притаился въ можжевельникѣ; Татары наскакали и расправшивали по примѣтамъ обо мнѣ у сторожа, которой грѣлся у огня и стерегъ при берегѣ струга, — я не могъ слышать, что онъ имъ отвѣчалъ, только они поскакали въ доль по берегу, — а сердце повело меня къ моей дочери.

Порфирій.

Чу!...

Юрій.

Что такое?

Порфирій.

Что-то сюда наноситъ вѣтеръ, какъ будто похожее....

Юрій.

Похожее, на что?

Порфирій.

Молчи, Государь, я прислушаюсь. (*Ложится на землю и слушаетъ*). Такъ, земля дрожитъ, слышенъ топотъ многихъ коней оттуда по берегу.... Тсъ!... Онъ какъ будто ближится, — войди въ домъ мой.

Юрій.

Нѣтъ, я не войду въ него ни за что и не хочу, что бы ты пропалъ за меня.

Порфирій.

Такъ, хоть укройся въ этой клѣти, вотъ тебѣ ключь отъ нее, а я побѣгу на село и созову нашихъ молодцовъ, чтобъ какова бѣда, отстоять свой домъ и перехватить сопостатовъ; имъ запрещено отъ Баскака насъ тревожить.... Спрячься поскорѣе и подумай о своей участи.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Юрій, *одинъ*.

Участь моя мнѣ извѣстна, — на семъ свѣтѣ нѣтъ мнѣ ни надежды, ни радости,— унесли ихъ съ собою: жена вѣрная и дитя мое первородное.... Тамъ я съ ними еще увижуся.... Ахъ! допустите ли меня до того дѣла мои?... Боже правосудный! неужли Ты не взмилуешься моими мученіями.... Нѣтъ! — Ты скажешь: я велѣлъ прощать и врагамъ своимъ, я велѣлъ ихъ любить, какъ самаго себя.... а прощалъ ли и любилъ ли ты ихъ?... Такъ, стрѣла въ груди Димитрія, пресекла связь мою съ братьями, разорвала узелъ дружества, я забылъ все кромѣ мщенія, погубилъ

себя заклятіемъ, отдалъ душу мою въ радость тартара, тѣло въ пищу алчнымъ псамъ. Собирайтесь сюда псы не насытные, волки хищные, враны жадные, скоро ляжетъ здѣсь ваша добыча. Но дайте мнѣ еще передъ смертью увидѣть мою Ксенію, прижать къ сердцу безотрадному и отнять ее у враговъ моихъ!—Такъ, не владѣть ею Ратиборычу,— моя Ксенія не измѣнитъ роду, племени. Она вспомнила объ отцѣ своемъ и не дошла до вѣнца съ сыномъ вражіимъ. — Онъ не радуется ея ласкою, Ярославъ не спитъ спокойнымъ сномъ, уязвила его пчела жигучая, загубила его любовь къ моей дочери и къ невѣстѣ слуги вѣрнаго;... но не ужли она любитъ Ратибор.... Нѣтъ, пусть лучше лежитъ со мною въ сырой землѣ, чѣмъ будетъ жить съ нимъ въ дому нашихъ праотцевъ.... Какъ бы я хотѣлъ увидѣть ее, хоть и постигнуту гнѣвомъ Божіимъ, лишенную разсудка, прежде чѣмъ Татары или.... Такъ, послушаюсь добраго совѣта, скроюсь въ послѣдній разъ. (*Идетъ мимо дома*). Дверь скрыпнула...: Отворилась, — кто-то выходитъ изъ дома,

---

ЯВЛЕНІЕ IV.

Юрій и **Ксенія** *идетъ по переходамъ, протянувъ руку впередъ и неся лампаду.*

Юрій.

Боже! это Ксенія!

Ксенія.

Иду.... Иду за тобой...

Юрій.

Такъ она все еще во снѣ.... Глаза ея неподвижны....

Ксенія.

Матушка! Матушка! Куда ты идешь? куда ты манишь меня?

Юрій.

Ахъ! ей мечтается мать ея.... и я не смѣю.

Ксенія.

Гдѣжъ онъ?... его нѣтъ.... Я его не вижу.... Ахъ! тамъ, тамъ.... бѣлой конь.... Соколъ.... это онъ, онъ мой суженой....

Юрій.

Ея суженой!...

Ксенія.

Подойди, подойди.... Это я.... Вотъ моя рука, матушка, отдай ему мою руку.... Отдай ему меня.... Пусть онъ мчитъ меня на конѣ своемъ.... Я вездѣ съ нимъ ѣду.

Юрій.

Ахъ! любовь къ Вассіану помрачила ея разсудокъ. Не ужли дочь моя можетъ....

Ксенія.

Нѣтъ, нѣтъ, — я не буду за сыномъ Ратиборовымъ.

Юрій.

Не будетъ? — Я оживаю.

Ксенія.

Такъ.... Ты мой суженой....

Юрій.

Ея суженой!... не уже ли другая страсть....

Ксенія.

Тебя я видѣла вездѣ.... и тамъ.... и тамъ.... и на переправѣ.... ты меня ни гдѣ не покидалъ.... и я тебя не покину.... Я твоя.... Здѣсь.... или.... Ахъ! матушка.... *(бросается на колѣни)* благослови насъ.... какъ ты благословляла.... Ты обѣщала молить за меня.... Ахъ! молись, молись, чтобъ я была счастлива.

Юрій.

Какъ! прежнія слезы, вы опять показались.... Теките, теките,... залейте страшное пламя....

Ксенія.

Да, пусть батюшка благословитъ меня.... Гдѣ ты батюшка?... Благослови дочь

твою, — она тебя любитъ, она тебя любитъ....

Юрій.

Ахъ! дочь моя! приди въ мои объятія! Ксенія.

(*Бросается къ ней*)

Ксенія, *услыша имя свое, упадаетъ безъ чувствъ.*

Юрій, *приводя ее въ себя.*

Боже! я ее убилъ!... Она безъ чувствъ.... Глаза ея закрылись.... Какая смертная блѣдность.... Ахъ! или я осужденъ убивать все? — Мать, жена, дочь.... Все что связано со мной кровью и душою.... Все погибаетъ отъ меня.... Но она дышетъ.... Такъ, кликну ей на помощь.... Она приходитъ въ себя.... Рука ея возвращаетъ движеніе.... Ахъ! она жива!... Такъ, благодарю тебя, Боже! что хоть ее я не убилъ.... Она открываетъ глаза.... подымается.... Обопрись на отца твоего, — дочь моя....

Ксенія.

Дочь твоя?... Я?... Боже!... ты.... такъ!... Мертвые возстаютъ.... Свѣтъ померкъ.... Солнце упало.... Наступаетъ часъ суда страшнаго.... Я предстаю безтрепетна.... Суди меня, — я ни въ чемъ невинна.... Ты

видишь мое сердце — Вотъ оно.... Гляди, оно чисто.... какъ свѣтлое утро. Въ немъ нѣтъ ни одного чернаго пятнышка.... Одинъ только образъ его въ немъ врѣзался — ахъ! это не моя вина.... Не наказывай меня; мать моя велѣла мнѣ любить его.

Юрій.

Мать велѣла любить тебѣ?

Ксенія.

Матушка, оправдай меня; — матушка, заступись за дочь свою... Ты обѣщала испросить мнѣ прощеніе.... Испроси его.... Я ни въ чемъ не виновата.... Я.... Громъ гремитъ.... Молнія блещетъ, мечи сверкаютъ.... Спасайся — спасайтесь!... Защити, защити!...

Юрій, *схвативъ ее въ объятія.*

Успокойся, прижмись къ моему сердцу, почувствуй какъ бьется оно отцовскою любовію.

Ксенія.

Боже! какой жаръ.... Кто меня держитъ?... Отъ чего вся кровь моя.... Взгляни.... Взгляни.... Такъ этотъ взглядъ.... Здѣсь

(Ослабѣваетъ)

Юрій, *отведя ее на скамейку.*

Сядь здѣсь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Банши, *и нѣсколько Татаръ.*

Банши.

Лодка у берега, — онъ долженъ быть близко.... Осматривайте все кругомъ — но тише....

Ксенія, *беретъ его руку, прикладываетъ къ сердцу.*

Какъ тепла:

(Цѣлуетъ руку и рыдаетъ).

Юрій. *отдергивая руку.*

Не плачь....

Ксенія.

Не мѣшай, не мѣшай мнѣ....

Банши.

Тсъ!... Кто-то здѣсь есть?...

Юрій.

Ахъ! еслибъ я могъ принести ей воды.... Останься тутъ.... Я тотчасъ ворочусь.

(встаетъ и идетъ къ берегу).

Ксенія.

Постой, постой! тебя убьютъ....

Банши.

Вотъ онъ.... Такъ, это точно онъ, я узнаю его по моей ярости.

(Бросается на Юрія, чтобъ схватить его).

Юрій.

Кто ты?..

(Схватываетъ поперегъ Баншу, и отбрасываетъ отъ себя).

Банши.

Сюда.

Юрій, *выхватываетъ мечь.*

Я дорого вамъ продамъ жизнь мою; Ксенія спасайся.

(Дерется съ Татарами).

Ксенія, *вставая.*

Постойте..., не убивайте, не убивайте— онъ отецъ мой!

Банши.

А! дочь его.... Схватите и ее....

(Ксенія бѣжитъ, отъ вѣтру покрывало спадаетъ, она бросается къ отцу своему, который хочетъ ее выручить).

Ксенія, *кричитъ.*

Не убивай.... Помогите....

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Ярославъ и Чешко.

Ярославъ.

Что это? Татары нападаютъ на одного.

(Выхватывая мечь, бросается на Татаръ).

Чешко.

Ахъ! что дѣлать.... Помогите.... Помогите....

(*Дерется съ Татарами*).

Ярославъ.

(*Бросается на Татарина, который уже взнесъ руку на Юрія, выбиваетъ его мечь, опрокидываетъ другихъ*).

Юрій.

Спасай дочь мою.

(*Юрій хочетъ за нею бѣжать, но останавливается сраженіемъ съ Баншею; — Князь не можетъ освободиться отъ Татаръ, — Евпраксія выбѣгая изъ дома, бьетъ въ колоколъ, Порфирій и нѣсколько человѣкъ выбѣгаютъ изъ за дома*).

Евпраксія.

Теперь они услышали.

Порфирій и прочіе, *бросаются на Татаръ; Татары убѣгаютъ.*

Ярославъ.

Гонитесь за ними.

Юрій.

Спасайте дочь мою, спасайте Ксенію.

Ярославъ.

Ксенію.... Бросьтесь благимъ матомъ за нею кучею, спасайте Ксенію.... Въ которую сторону увлекли ее?...

Голосъ Вассіана, *за кулисами.*

Она спасена, Ксенія спасена!

Ярославъ.

Ксенія спасена!

Юрій.

Дочь моя спасена.

(Въ это время выходятъ изъ дома съ фонарями — зажигаютъ огонь и театръ освѣщается).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже, Вассіанъ, Ксенія, Евпраксія, Наташа— Бояре — *съ Вассіаномъ* и Женщины *прибѣжавшіе на крикъ.*

Вассіанъ, *выводя Ксенію.*

Я ее вырвалъ изъ рукъ Татарскихъ.

Юрій.

Дочь моя! дочь моя! Узнаешь ли ты меня?

Ксенія, *увидя отца своего бросается къ нему съ крикомъ.*

Ахъ! это ты.... Это ты батюшко....

Юрій.

И такъ ты пришла въ себя, ты узнаешь меня.

Ксенія.

Ахъ! узнаю.

Ярославъ.

Ея отецъ.... Я спасъ жизнь отца ея.... Благодарю тебя Боже!... Но кто ты?

Ксенія, *оглядываясь на голосъ Ярослава, глядитъ на него съ изумленіемъ и когда ихъ глаза встрѣчаются, она бросается въ руки отца.*

Ахъ! вотъ онъ опять.

Ярославъ.

Не страшись меня Ксенія, ты видишь передъ собою того, котораго встрѣтила на переправѣ Тверцы; помнишь ли ты это?

Ксенія, *въ полголоса.*

Ахъ! помню.

Вассіанъ.

Какъ! Великій Князь!

Всѣ.

Великій Князь!

Ксенія.

Великій Князь.

Ярославъ.

Да, Ксенія, я Великій Князь, но званіе мое не должно ни страшить, ни удивлять тебя.... Кто бы ты ни была, кто бы ни

былъ отецъ твой, я радуюсь, что Богъ привелъ меня спасти жизнь его, и не хочу знать твоего имени.

Юрій.

Нѣтъ, ты его узнаешъ.... Вглядись, Ярославъ Ярославовичъ, въ эти глаза, потусклые отъ горести, въ это изувѣченное лице, загорѣвшее отъ безприкрытнаго жара, покрытое морщинами, которые наложили ненависть и отчаяніе, узнай эту руку, поражавшую подлѣ тебя на Невскихъ берегахъ враговъ Руской земли....

Ярославъ.

Боже! кого я вижу!

Юрій.

Ты видишь прежняго Тысяцкаго Юрія убитаго духомъ, но живаго еще тѣломъ, пока мечь правды не разсѣчетъ его.... Такъ, я отецъ Ксеніи, и молю тебя только, не казнить ее за мои вины.

Вассіанъ.

Юрій, отецъ Ксеніи!...

Юрій.

Да! и не бывать ей за Ратиборычемъ, вотъ что я еще хотѣлъ досказать тебѣ на этомъ холмѣ, гдѣ даромъ прождалъ тебя всю ночь.

Вассіанъ.

Не страхъ удержалъ меня, — но судьба Великаго Князя занимала меня больше моей

собственной. Не найдя его въ Великокняжескомъ дворцѣ, я съ друзьями моими бросился искать его, узнавъ, что онъ провелъ день въ охотничьемъ домѣ, нашелъ его здѣсь. *(Бросаясь на колѣни)*. И благодарю Всевышняго, что Онъ сохранилъ его.

Юрій.

А его мечемъ и меня, почти въ то время, когда я замышлялъ противъ него.... Но Богъ не попустилъ меня, рука моя не послушалась моихъ мыслей.... Такъ, я каюсь, предъ Богомъ и людьми въ моемъ злоумышленіи, и прошу казнью земною умягчить казнь небесную. Государь, Великій Князь, прикажи избавить меня отъ поносной жизни.

Ксенія, *упадая предъ Ярославомъ.*

Ахъ! Государь!

Ярославъ.

Ксенія..... (*Подымаетъ его*). Юрій встань, дай мнѣ свою руку и вѣрь слову Великокняжескому, что сынъ твой погибъ не умышленно и рука моя, которая спасла тебя, готова была мстить за него; но преступникъ не отыскался и я предалъ его суду Божію, сдѣлай и ты тоже, простимъ вмѣстѣ всѣхъ враговъ нашихъ, докажемъ, что мы Христіане и помнимъ законъ нашъ.... Ты молчишь Юрій.... или еще сердце твое не смягчилось....

Юрій.

Оно облилось кровію.

Ярославъ.

Взгляни на Ксенію, — и счастье, что ты ее видишь, что она дочь твоя, примиритъ тебя даже съ самимъ собою.

Юрій.

Ксенія, дочь моей Серафимы, скажи мнѣ, прощаешь ли ты отца своего за всѣ твои и матери твоей бѣдствія?

Ксенія.

Ахъ! батюшка! меня ли ты объ этомъ спрашиваешь? Ты знаешь мое сердце?

Юрій.

Я зналъ его, но слова произнесенныя тобою въ безпамятствѣ, навели на меня сомнѣніе.... Помнишь ли ты что здѣсь происходило?

Ксенія.

Ахъ! я напрасно стараюсь припомнить.... Все изчезаетъ какъ дымъ въ глазахъ моихъ, до самой той минуты, какъ я увидѣла надъ тобою смерть, какъ Татары схватили меня, сильное волненіе возвратило мой разсудокъ и первый человѣкъ, котораго я совершенно узнала, былъ....

(Взглядываетъ на Вассіана).

Ярославъ, *съ смятеніемъ.*

Твой суженой?

Ксенія, *потупя глаза.*

Нѣтъ.

Ярославъ.

Что ты говоришь?

Ксенія.

Правду.... Не его мнѣ судила мать моя.

Юрій.

Твоя мать.... Какъ! мать твоя умирая назначила тебѣ мужа?

Ксенія.

Нѣтъ, умирая она ничего не говорила, о моемъ.... Ахъ! батюшка.... Не спрашивай меня.

Ярославъ.

Но я хочу знать.... Я прошу тебя сказать мнѣ....

Ксенія.

Прости, Государь, но я не могу повиноваться.

Ярославъ.

Нѣтъ, я заклинаю небомъ сказать мнѣ все.... Ты молчишь.... Я приказываю, какъ Великій Князь открыть мнѣ тайну, кто ее знаетъ.

Чешко.

Наташинька, говори, что ты знаешь, грѣхъ таить что нибудь отъ Государя.

Наташа.

Да я боюсь.

Чешко.

Говори.

Наташа.

Нѣчего дѣлать. (*Ксеніи*). Хоть ты сердись на меня, но не смѣю ослушаться Великаго Князя, такъ Государь, матушка ея во снѣ не разъ ей показывала суженаго на бѣломъ конѣ — онъ самый тотъ, которой на переправѣ....

Ярославъ.

Довольно.... Боже! я постигаю волю Твою; такъ Ксенія, тотъ, который видѣлъ тебя на переправѣ, точно твой суженой, и мать твоя также его благословила въ таинственномъ видѣніи.

Юрій.

Такъ, я постигаю все.... Ксенія, я знаю теперь, что значили слова твои, когда умъ твой помутился и мать твоя привела тебя мечтаніями, чтобъ спасти жизнь и можетъ быть душу отца твоего.

Ксенія.

Такъ, я сколько могу припомнить, мечтала видѣть матушку.... Она какъ-будто манила меня за собою... Соединила меня.... И велѣла просить твоего благословенія....

Вассіанъ, *приходя какъ бы въ себя.*

Благослови же ее.... Я вижу, что никто не прейдетъ судьбы своей.... А моя, тотъ черный покровъ, о которомъ ты говорилъ.... Великій Князь, я любилъ и люблю Ксенію болѣе всего, и ни что въ семъ мірѣ не можетъ мнѣ ее замѣнить, и такъ позволь мнѣ скрыться отъ него и посвятить дни мои на моленіе, о ней, о тебѣ и о всей Руской землѣ.... На берегу Волги, гдѣ я ее въ первый разъ увидѣлъ, позволь мнѣ построить мой временный пріютъ; въ немъ я буду жить до тѣхъ поръ, пока земля не скроетъ меня отъ всего, что было мнѣ любезно.

Ярославъ.

Какъ, другъ мой!

Вассіанъ.

Государь, я вижу, что она суждена быть красою Руской земли, — заступницей предъ лицемъ твоимъ притѣсненныхъ и виновныхъ; увѣренъ, что Богъ назначилъ ее чистую душу наградою тебѣ, за счастіе твоихъ подданныхъ, а мнѣ опредѣлилъ другое воздаяніе;— да будетъ Его Святая воля! —простите меня, а я всѣхъ прощаю

Ярославъ.

Такъ; да будетъ Его Святая воля — Юрій, благослови дочь и сына твоего, если точно Ксенія признала во мнѣ своего суженаго.

Ксенія.

Такъ, въ тебѣ.... Но я тосковала по немъ, не зная что онъ Великій Князь.

Юрій.

Государь, я не стою чести, которою ты удостоиваешь родъ мой! Но покойная мать ея умолила за нее — Богъ награждаетъ ея добродѣтели въ моей дочери и да будетъ Его Святая воля!

(Беретъ руку Ксеніи и подаетъ ее Ярославу).

Евпраксія, Чкшко и Натаща *кричатъ.*

Да здравствуетъ Великій Князь и съ Княгинею.

Ярославъ.

Приди къ сердцу моему, моя Ксенія, дѣлай счастіе мое и моихъ добрыхъ дѣтей вѣрныхъ подданныхъ. Поѣдемъ въ Тверь, и пусть народъ мой, Послы и Рыцари увидя тебя порадуются и позавидуютъ моему счастію.

Ксенія.

Я повинуюсь волѣ Всевышняго и твоей (*Кланяясь Порфирію и Евпраксіи*). Благодарю васъ за ваши милости, названные мои родители, благодарю тебя сестрица за дружбу, твою, и прошу жаловать и любить меня по прежнему. Великокняжескія убранства не перемѣнятъ сердца вашей Ксеніи. — Богъ противится гордымъ.

Евпраксія.

А смиреннымъ благодать даетъ.

Чешко.

Когда матушка заговорила, то позволь и мнѣ поздравить тебя и попросить на мою свадьбу.

Ярославъ.

Да, она будетъ его посаженой матерью и для того я постараюсь сдѣлать скорѣй мою свадьбу, чтобъ не заставить тебя дожидаться. — Я тебѣ очень благодаренъ.

Чешко.

Нѣтъ, я на себя не беру чужаго и Соколъ твой больше меня сдѣлалъ.

Ярославъ.

Такъ, онъ довелъ меня до моего счастія.

КОНЕЦЪ.

Iko

G

Konounie

	DATE DUE		

